

РУКИ, ПОЛНЫЕ БУРИ

18+

МЭЙ

An illustration of a man in a dark suit and light-colored vest, standing in a city at night. He is looking down and adjusting his tie. In the foreground, two dark-colored dogs are visible, one on the left and one on the right. The background shows a city skyline with lit-up buildings and a chain-link fence. The overall style is a detailed, painterly illustration with a dark, moody atmosphere.

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Мэй

Руки, полные бури

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мэй

Руки, полные бури / Мэй — «Эксмо», 2023 — (Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-185644-1

Древние боги познали страх смерти, но это было лишь началом. Кронос вырвался из заточения, и теперь сам мир рассыпается от его присутствия. В стремлении отомстить сыновьям он будит древних чудовищ разных пантеонов. Пока Персефона пытается вырваться из цикла перерождений, а Анубис - совладать с собственной силой, богам предстоит взглянуть в лицо тому ужасу, перед которым бессильны даже они.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185644-1

© Мэй, 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

1	8
2	15
3	23
4	32
5	40
6	45
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мэй

Руки, полные бури

© Мэй, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

БОГИ В СВЕТЕ НЕОНА

Руки, полные пепла

Руки, полные бури

Руки, полные дождя

РУКИ,
ПОЛНЫЕ
БУРИ

МЭЙ

МОСКВА
2023

1

Боги рассказывают собственные сказки.

Пугают своими кошмарами. Приглушив масляные лампы или электрический свет, шепчут о чудовищах, что спят во мраке. О том, как мир может трещать по швам, расплзаться, будто истлевшая ткань, – из этих дыр ползет то, что питается страхами и чужой силой.

У чудовищ почти нет разума. Есть голод и желание разрушить.

Маленькая Макария поднимает одеяло повыше, так что видны только её большие глаза, такие же чёрные, как у отца.

– Их не победить? – шепчет она.

Аид улыбается и качает головой:

– Всё можно победить. Чудовища действуют в одиночку, а мы – нет.

Гадес вышел из светящейся двери Подземного мира в квартире Сета. Оглядел комнату. Тут ничего не изменилось, аккуратно застелена постель, в вазе стоят сухие цветы, а в воздухе отчётливо витает бальзамический аромат, так любимый Нефтидой.

Гадес не предупредил о возвращении, застряв в Подземном мире. Когда оказалось, что Кронос исчез и вроде бы не собирается испепелить их прямо сейчас, Зевс вполне бодро регенерирует, а забежавший Анубис сообщил, что в Дуате с остальными всё в порядке... Гадес решил, что не будет ничего плохого, если он задержится.

Первые дни он беседовал с Зевсом и на всякий случай укреплял границы Подземного мира. Потом заходили Сет с Нефтидой и Амон с Анубисом.

Они все долго осматривали открытые ворота в Тартар. Сейчас неприметная унылая глыба камня, они вели из ниоткуда в никуда. Неф ощущала их скрытую силу, врата могли снова послужить, если бы удалось найти и загнать туда Кроноса. Амон сказал, что их открыли кровью Зевса и Макарии, и оба они до сих пор живы. Сет предложил напиться.

Зевс начал лихо командовать и связываться с другими богами.

Кронос исчез. Никто не знал, ни где он сам, ни где Геката. Они испарились или, скорее, затаились. И это пугало больше всего. Гадес помнил нрав отца и не сомневался – если тот не стремится сокрушить мир сразу же, значит, будет только хуже.

Одним вечером, до того как Зевс вернулся в мир людей, они с Гадесом сидели на балконе, среди вечных сумерек и фиолетовых искр. Перед ними расстилались шпили города, расцветенные десятками огоньков. Вино горчило водами Стикса и виноградом дальних полей.

– Геката не смогла бы уничтожить Подземный мир, – сказал Зевс. В его голосе слышалась леность и расслабленность. – Или завладеть его силой. Она тешила своё самолюбие мыслью, что у неё бы вышло, но ведь нет. Она недооценила мертвецов. Анубис едва справился с Дуатом, а у него вся сила бога смерти.

Он отпил ещё вина, помолчал, а Гадес терпеливо ждал.

– Геката не смогла бы уничтожить Подземный мир, – повторил Зевс. – Но Кронос может. Легко.

Утром Зевс ушёл разбираться с прибывающими в Лондон богами и держать связь: не начнут ли просыпаться на зов Кроноса другие древние существа, которых боятся даже боги. И ещё Зевс хотел выяснить, откуда Геката узнала, как открыть врата в Тартар.

Это всё было днём. Вместе с утомительной рутинной Подземного мира. Но в основном Гадес оставался из-за ночей.

Тогда никто не мог помешать им с Персефоной закрыться в спальне и заново наслаждаться друг другом: и физически, и разговорами до утра, чтобы поспать пару часов и вновь вернуться к делам.

Персефона была рядом с ним, наконец-то в полной мере. И едва ли не первое, что она сказала, когда они разобрались с распахнутыми воротами:

– Я не хотела потери памяти.

Они действительно говорили об этом с Гекатой жизнь назад. Персефона отказалась. Ей нравилась мысль пережить всё как в первый раз, но она понимала, насколько будет тяжело Аиду, – и отказалась.

Видимо, её согласия и не требовалось.

Гадес не понимал, зачем это нужно Гекате. Да, конечно, ослабить Подземный мир и его, но к чему такие сложности? Он не понимал, а Персефона грустно качала головой:

– Она завидовала мне, Аид. Потому что у меня есть Подземный мир, друзья. Ты всегда ждёшь меня. А её никто не ждёт. Даже мать... её волнуя я, дочь от любимого мужчины, но не Геката, плод случайной связи.

Гадес не желал думать ни о Гекате, ни о Кроносе.

Он хотел оставаться в Подземном мире, а ночами обнимать жену, зарываться лицом в её невозможно рыжие волосы, пахнущие цветами и тьмой. Проводить руками по нежной коже, ощущая, как тело отзывается на ласки.

Они отправлялись к дальним виноградникам, где обитали остроухие воплощения душ, Цербер радостно носился среди кустов, чуть не помяв парочку. Гадес и Персефона наполняли огромную мраморную ванну и вдвоём купались в чёрной, как ночное небо, воде, среди плавающих лепестков душистых цветов.

На восьмой день после открытия врат Тартара к Гадесу явился Танатос. Он старался не попадаться на глаза после того, как Гадес запретил ему покидать Подземный мир и завалил нудной работой, которую тот терпеть не мог.

Поговорить он пришёл не об этом.

– Почему ты не хочешь найти Макарию?

– Я хочу, – ответил Гадес, – но не могу. Цербер не взял след. Макарию Геката в Подземный мир не приводила, только использовала её кровь. Она может быть где угодно. Без памяти о прошлом.

– Позволь мне заняться поисками.

– Нет.

Гадес видел, как Танатос стиснул кулаки, но промолчал.

– Ты мне не доверяешь, – сказал Танатос.

– А должен? Ты едва не прикончил Амона и убил Осириса. Тебя должны судить, как Фенрира.

Танатос встретил взгляд Гадеса, не опустил глаза, не дрогнул, хотя и без того белое лицо побледнело ещё больше. Танатос прекрасно понимал, чем мог закончиться такой суд.

– Я... благодарен, что ты не сделал этого.

– Из-за твоего брата, – сказал Гадес. – А то бы устроили драму.

Танатос опустил голову, поклонился и ушёл заниматься делами Подземного мира. Гадес задумался, что он сам засиделся. И как бы ему ни нравилось тут, не стоило прятаться от того, что может происходить.

Сеф вернулась в мир людей рано утром, а Гадесу пришлось задержаться из-за очередных светильников, которые отказывались гореть в трети города.

Квартира Сета казалась тихой, пока из гостиной не раздался смех то ли Анубиса, то ли Сета.

Они оба были там. Анубис лежал прямо на полу, заложив руки за голову и уставившись в потолок. Ещё не стемнело, сквозь окна проникал сумрачный свет, такой холодный на контрасте с тёплым мерцанием ламп. Из глубоких теней соткались псы, лениво развалившиеся вокруг Анубиса.

Сет сидел на диване, у него на коленях устроилась одна из собак, и Сет чесал её маленькой и наверняка жёсткой щёткой. В комнате стояла настоящая жара, отопление явно выкрутили на максимум, так что Сет снял рубашку, показывая многочисленные татуировки, украшавшие его спину, плечи и грудь.

– Аид! – радостно сказал Сет, растягивая гласные. – Решил почтить своим присутствием? Скептически покосившись на Сета, Аид уселся напротив.

– Ты причёсываешь собак?

– Не причёсываю, а чищу. Ты вот когда последний раз Цербером занимался? – Сет укоризненно ткнул щёткой в сторону Гадеса. – Вооот! Однажды он на тебя обидится.

– Трижды, – хихикнул Анубис с пола.

На стеклянном столике перед ними лежал какой-то мусор, обрывки бумаги, какая-то трава. И тут наконец-то Гадес понял.

– Да вы обкурены!

Анубис умудрился пожать плечами, не меняя позы. Сет спокойно продолжил чесать пса, бросив:

– Зануда.

Гадес начинал потихоньку злиться:

– Один из самых грозных титанов вырвался на свободу, он всех может уничтожить и разбудить древних чудовищ, а вы решили накуриться?

– Аид, от того, что мы будем унывать или круглые сутки делать вид, что занимаемся делом, ничего не изменится. Зевс всех поднял на уши, так что боги ищут Кроноса и думают, как его победить. Можно иногда расслабиться. Не этим ли ты занимался с Сеф в Подземном мире?

– Мы с ней не виделись целую жизнь.

– Ну, а я не расслаблялся целую жизнь.

Сет казался умиротворённым, пёс на его коленях тянул остроносую морду, чтобы попасть под щётку, почти как делают кошки, Анубис начал что-то напевать без слов. Гадес откинулся на спинку кресла.

– И что, много здесь богов?

– Достаточно. Они почему-то решили, что теперь собираться вместе не страшно. Зато смотри, что мне сделал Ганеша!

Сет прижал рукой недовольного пса и указал на грудь, где красовалось свежее чернильное изображение скорпиона. В прочие замысловатые завитки он вписался отлично.

Татуировки не так-то просто наносились на тело бога, слишком быстро на нём заживали любые раны, поэтому рисунками занимались специальные боги, один из них – Ганеша из индуистского пантеона. Да и траву наверняка притащил тоже он.

– Скорпион же символ Исида, – сказал Гадес.

– Да пусть эта Исида... гм, короче, мне нравится.

– Она объявилась, что ли?

Сет фыркнул:

– Ага. Внезапно.

– Она решила, что мне требуются её наставления, – отозвался с пола Анубис. – Так и заявила, представляешь! Вся такая в белом и золотом, явилась к Зевсу. Тоже, наверное, помогать советом.

Гадес отлично знал, что между Анубисом и Исидой нет особой любви. Неудивительно, он всё-таки сын её мужа, но не от неё. Гадес подозревал, Исида не стала возмущаться, что именно Анубис, а вовсе не Гор получил Дуат лишь потому, что Гора не интересовали мертвецы. Его сила была совершенно иной, Исида наверняка мечтала, как Гор становится главой пантеона.

– Зевс расскажет, куда ей пойти, – улыбнулся Гадес. – А где Амон?

Анубис снова рассмеялся:

- Осваивает «Тиндер» и явно пользуется успехом у женщин.
- Хотя бы сюда их не водит, – проворчал Сет.
- Э! Я давно никого не водил!
- Прогресс.
- Что еще слышно? – прервал их Гадес. – Слухи?

Сет задумался:

– Слухов предостаточно. Кронос вырвался, мировой порядок нарушен. Никакой конкретики нет, зато все пугают друг друга страшилками. Говорят, теперь, если тело бога умирает, он больше не возвращается.

- Это чем-то подтверждено?
- Вообще ничем. Только паникой.

– Надо попросить Амона добавить тебя в чатик богов, – хихикнул Анубис. – Там ещё не такие сплетни бывают!

Гадес не стал отвечать, что «чатик богов», который предлагает обкуренный принц мёртвых, – это последнее, что ему нужно. Сет тоже молчал, а когда пёс дёрнулся, чуть не цапнув, прошипел что-то по-древнеегипетски и согнал животное с колен. Ему на смену тут же забралась другая собака, подставляя узкий бок, чтобы его почистили. Щётка не торопясь заскользила по тёмной шерсти.

В Африке Гадесу доводилось видеть ближайших родственников псов Сета. Тонконогие, поджарые, верные спутники туарегов, способные часами загонять добычу. Они существовали и сейчас, узкомордые азаваки.

– Ты не принесёшь чаю? – негромко обратился Сет к Анубису. Фраза прозвучала вежливо и аккуратно, с намёком, что Сет хочет поговорить с Гадесом наедине.

Анубис это понял, что-то проворчал, поднимаясь, и исчез в коридоре. Вскоре послышалось, как он гремит посудой на кухне.

Щётка так же спокойно проходила по тёмной, сотканной из теней, шерсти, когда Сет сказал:

- Он стал слышать мертвецов.
- В каком смысле слышать?
- В прямом. Здесь и сейчас слышать тех, кто в Дуате.
- Но это же...

Гадес не мог найти нужного слова, и Сет спокойно закончил:

– Грёбаное дерьмо. Аид, мы с тобой достаточно давно знакомы, чтобы я понимал, что это ненормально. Даже Осирис мертвецов не слышал. Это сводит Инпу с ума.

Гадес задумался. Это действительно совершенно неправильно, особенно для Анубиса, который не то что к Дуату за спиной не привык, но и своей стихийной силой всегда управлял не очень хорошо.

- В Подземном мире всё нормально? – спросил Сет.

– Пока да. Но может, и правда нарушен мировой порядок, поэтому многое начинает идти не совсем так, как надо. А что насчёт тебя?

Сет пожал плечами:

– Ты знаешь, что с момента открытия Тартара ни я, ни Зевс не ощущали ничего необычного. Ну, только яд. Сехмет хочет поговорить, вроде как нашла менее громоздкий способ делать зелья, даже как-то улучшила его, чтобы лечить и другие раны. Потребуется вода из Стикса.

- Сколько угодно, – кивнул Гадес. – А что в остальном?

– Скоро разорюсь на отоплении, потому что вечно мёрзну после силы Осириса. И с людьми говорить ещё сложно, я вижу их смерти, хотя меньше, чем раньше. Ещё спать

не могу из-за яда или из-за той же силы Осириса. Ты это хотел узнать? – В голосе Сета сквозило неприкрытое раздражение, пёс под его руками твякнул от слишком резких движений. – Извини. Я рад, что хотя бы в Подземном мире всё спокойно. И у Нефтиды, они вместе с Амоном теперь периодически пропадают у Зевса, занимаются делами.

На губах Сета мелькнула улыбка, и он погладил пса между ушами.

– Представляешь, Неф достала Деметру, и та рассказала, какое снотворное и на богов действует. Там какие-то правильные травки, так что теперь хотя бы бессонных ночей не будет.

– Деметра говорила с Персефоной. Но без меня.

– Может, хоть Кронос, который освободился из-за её второй дочери, немного приведёт мозги этой двинутой в норму.

– Как грубо, – улыбнулся Гадес.

– Да просто трава отпускает. Так ты будешь чесать Цербера или нет? У меня есть ещё одна щётка.

Едва Гадес переступил порог клуба Сета, как у него закружилась голова. Столько сил из всевозможных пантеонов тут смешалось, будто восточный базар, напоённый гомоном на разных языках и ароматом сотен специй. Пусть тут в стены билась электронная музыка, метались неоновые огни, а бармен лихо смешивал коктейли, пока девушка в короткой юбке фотографировала его на мобильник.

Нефтида и Персефона должны быть здесь, они хотели встретиться с Зевсом, и Гадес рассудил, что они наверняка в ВИП-зоне. Он начал пробираться сквозь толпу, когда кто-то неожиданно схватил его за локоть.

Это оказался Амон, решительно оттащивший его в сторону от танцпола, к стене, где музыка звучала потише.

– Гадес! Рад, что ты здесь. Думал, Анубис придёт с тобой.

– Они с Сетом обкурились травы дома.

– Без меня? – Амон округлил глаза. – Хотя хорошо, что Сета нет. Сюда явилась Кали, а вдвоём с Сетом они обычно умудряются что-нибудь разнести, исключительно по-дружески, конечно.

– Что здесь за дурдом?

– Пока ты был в Подземном мире, в Лондон прилетела куча богов. Они почему-то считают, что теперь бояться нечего. Или, точнее, что теперь-то и начнётся мрак, поэтому нет смысла отсиживаться по своим норкам. Клуб стал местом, где все собираются.

– Зато у Сета будет чем платить за отопление, – проворчал Гадес. – Где Зевс? И Персефона.

Амон махнул рукой в сторону ВИП-зоны. Его собственная сила ощущалась сейчас очень ровной, обнимающей и обтекающей, как плавящееся на солнце масло. Не скрывавшей внутренней мощи. Гадес не сомневался, это чтобы остальные боги не забывали, кто он.

Амон хмурился, явно хотел сказать что-то ещё.

– Гадес. Я пока не говорил остальным... но Апоп просыпается.

– Что? Почему ты молчал?

– Потому что этого мы и боялись. Кронос поднимает древних монстров, а их в каждом пантеоне найдётся не меньше парочки.

Амон не говорил этого вслух, но Гадес и сам понимал: когда древний змей окончательно проснётся, он придёт за Амоном.

– Держись поближе к Сету, – посоветовал Гадес. – Он ведь единственный, кто может победить Апопа.

– Этого я и опасуюсь. Что Сет ползет.

Амон провёл рукой по волосам и отвлёкся на завибрировавший телефон. Ждать его Гадес не стал и направился к ВИП-зоне. В царящей в клубе какофонии божественных сил трудно было выделить кого-то определённого, только мелькнул Ганеша, массивный байкер в потёртой джинсовке.

Когда Гадес наконец-то уселся рядом с Зевсом, напротив Нефтиды и Персефоны, то чувствовал себя совершенно вымотанным.

– Нужно ввести правило, – заявил он, – приглушившим силу второй коктейль бесплатно. Зевс фыркнул:

– Красуются, как павлины, распустившие хвосты.

Гадес воздержался от замечания, что сам Зевс делает то же самое. Постоянно. Даже сейчас воздух вокруг него словно наэлектризовался, хорошо хоть не искрил.

– Я предложу Сету, – кивнула Нефтида. – Второй коктейль не стоит, но сделать правилом скрывать силу в клубе точно разумно.

Персефона ничего не сказала, она протянула руку и коснулась кончиками пальцев ладони Гадеса. Это успокаивало, прогоняло туман в голове и смиряло с царящим вокруг хаосом.

Главное, не говорить Сету про хаос. Иначе он порадуетя и ничего менять не будет.

– Мы выяснили, откуда Геката узнала о том, как разрушить врата, – сказала Персефона. И её голос был одновременно голосом и Софи, и королевы Подземного мира, шелестящим, проникновенным.

– И?

– Гера, – бросил Зевс. – Ей рассказала Гера. Она даже отпираться не стала, когда я спросил. Говорит, не думала, что Геката этим воспользуется. Врёт, конечно.

Гадес не стал расспрашивать. Он ещё успеет сделать это наедине с братом, если тот захочет что-то рассказать. Отношения с женой у него сложные, Гадес так в принципе старался с ней не пересекаться.

Зевс явно доверял жене, чтобы рассказать о вратах в Тартар. И сейчас Гадес видел, как Зевс смотрит исключительно на стол, не пытается язвить или поучать. Значит, его действительно задело, куда больше, чем он хочет показать.

– В разных пантеонах говорят о том, что чудовища просыпаются, – сказала Нефтида. – Если так пойдёт дальше, у всех будет море проблем помимо Кроноса.

– А ему это зачем?

– Он будит специально. Собирает армию, которая уничтожит непокорных богов.

В каждом пантеоне существовали свои чудовища. Гадес с ними не сталкивался и мало о них знал. Первые появились ещё при старых богах вроде Кроноса, почти без разума, но с жадой убивать богов. Кто-то считал, они – оружие мира против тех, кого почти невозможно убить. Другие полагали, чудовища родились из страхов и ужаса перед непознаваемым.

Их не убивали, погружали в вечный сон, а позже пугали детей как богов, так и людей. Змей Апоп у египтян, Ёрмунганд у скандинавов, Тифон у греков. Они стали частью мифов, а потом их усыпляли ради безопасности. Так они и спали до нынешнего времени, пока не появился Кронос.

Гадес размышлял о том, что могут значить странные чудовища, боги вокруг шумели, что-то обсуждали.

А потом время остановилось.

Музыка оборвалась, свет замер, люди застыли, а боги с недоумением оглядывались, но Гадес и без того понимал, что это. Пальцы Сеф крепче сжали его ладонь.

Кронос с лёгкостью порвал защиту клуба и проник внутрь. Появился из воздуха. Не побоился десятка богов.

Титан не демонстрировал силу, он сам был силой. Дикой, необузданной, первозданной, подчинявшейся мановению его руки.

Гадес не был уверен, действительно ли Кронос выглядит как человек или принимает такой облик. Сейчас он тоже предстал обычным мужчиной: средних лет, с аккуратной бородкой, в деловом костюме, который казался для него совершенно неуместным. Хотя что не казалось бы? Звериные шкуры и ожерелье из клыков? Доспехи, устаревшие пару тысяч лет назад?

Кронос не терял времени за эту неделю. Он осваивался в новом мире.

Только его волосы казались живой, шевелящейся тьмой, бездной, поглощавшей свет. И глаза – два тёмных провала.

– Мои любимые сыновья.

Его голос звучал одновременно и в застывшем воздухе, и в голове. Песок и земля, горы и океаны, вечность и бездна. Гадес помнил, сколько сил они потратили, когда втроём заточили Кроноса в Тартаре. Теперь у них не было Посейдона.

Остановившись у их столика, Кронос небрежно оперся на него одной рукой. Нарочито расслабленная поза, но Гадес знал, стоит ему выпустить в сторону отца силу, как тот легко размажет его по стеклянной поверхности стола.

Не выдержал Зевс. Сначала Гадес решил, что тот импульсивен, но потом понял, что Зевс хочет вовсе не навредить Кроносу, а прощупать его силу. Не успели молнии достичь кожи Кроноса, как тот небрежно приподнял руку.

Молнии осыпались тысячами мельчайших осколков, а Зевс отлетел к стене, разбивая висевшее там зеркало.

Гадес не шевельнулся. Он знал, что Кронос видит само время, может замедлять или ускорять его по собственному желанию.

– Как непочтительно вы встречаете отца. – Кронос наклонился к Гадесу. – Вы заточили меня на тысячи лет. Убить вас будет слишком милосердно. Я вас уничтожу. А после все боги этого мира подчинятся мне, иначе я убью каждого из них.

– Ты совсем не изменился, – спокойно ответил Гадес. – Опять «подчиню, уничтожу»... мы справлялись без тебя. Само твоё присутствие нарушает мировой порядок.

– Я и есть мир.

Музыка снова заиграла, лучи света заскользили, вернулся гул голосов. Кронос исчез, Зевс поднимался с пола, Нефтида помогала ему.

А пальцы Персефоны едва заметно дрожали на руке Гадеса.

2

Гадес отмахивается от верблюда, который жёсткими подвижными губами явно хочет откусить ему ухо. Сет отводит животное к акации, где уже разместился его верблюд, меланхолично объедая куст.

– Ты привыкнешь, – заявляет Сет. – Тебе понравится пустыня.

– Или смирюсь, – мрачно предполагает Гадес.

Он кисло смотрит на разожжённый костёр, и в глубине души Сет боится, что другу действительно не понравится. Что он так и не проникнется песком, чёрными камнями и шуршащими по земле змеями.

Сет искренне радуется, когда видит, что с течением ночи на губах Гадеса появляется улыбка. И смеётся вместе с ним, задрав голову к небу, где будто бы отражаются песчинки пустыни – сотни и тысячи звёзд.

Звеня браслетами, Нефтида раскладывала карты Таро. Не торопясь, плавными движениями, сначала тасуя колоду, потом рассматривая цветные картинки.

Сету ну очень хотелось поторопить, но он молчал, нетерпеливо отстукивал ритм пальцами по столешнице.

Нефтида глянула на него, не поднимая головы:

– Потише, пожалуйста.

Сет перестал стучать, но от едкого комментария не удержался:

– Неужели нельзя быстрее.

– Карты не терпят суеты. Куда ты торопишься?

Она, разумеется, отлично знала куда. Сет подумал, что могла и специально тянуть время: Нефтида не любила Сехмет, даже когда Сет отправлялся к ней по делу.

– На свидание, конечно, – отозвался Сет. – Нагадаешь мне смерть?

Вместо ответа Нефтида взглядела в разложенные карты. Сету они ровным счётом ни о чём не говорили, но ему нравилось задумчивое выражение лица Нефтиды. Она смотрела куда-то сквозь время и пространство, но не так отстранённо, как это делал Осирис, а, наоборот, оставаясь очень земной и осязаемой.

– Смотри.

Он наклонился, рассматривая карты: от них пахло благовониями и картоном. Палец Нефтиды с чёрным ногтем и нарисованными хной знаками на фалангах скользнул вдоль изображений.

– Башня означает изменения. Полное разрушение старого, всех основ. Рядом Шут, так что это можно трактовать как освобождение. Падение прошлого, начало нового пути.

– Карты не говорят о том, как уничтожить Кроноса?

Вздыхнув, Нефтида одним движением собрала колоду со стола и начала тасовать:

– Конечно нет. С этим придётся справляться самим. Для начала можно объединить силы.

Нефтида говорила об этом с самого начала: богов много, против сил нескольких пантеонов никакой титан не выстоит. В принципе никто не возражал, но боги многие тысячелетия оставались слишком разобщены. Да, представители разных пантеонов часто взаимодействовали друг с другом, но объединиться полностью, за кем-то пойти... не было лидера, которому верили все. Даже всегда готовый Зевс в последнее время притих. Да и многие считали его не слишком-то надёжным.

– Ты знаешь, с этим много проблем, – сказал Сет.

– Знаю. Я рада, что многие боги сейчас приходят в клуб. Неплохое начало для объединения.

– И прибыли.

– Ну тебя!

Сет хмыкнул:

– Пару столов приходится заменять почти каждый день. Так что я бы не сказал, что всё тихо и мирно.

– Это боги. Как же без небольших разрушений.

Она многозначительно посмотрела на Сета, но он предпочёл отвести взгляд и сделать вид, что не понимает, о чём она. Хотя сам действительно не видел особых проблем в том, чтобы обновлять интерьер.

Как раз сейчас, пока они с Нефтидой сидели в маленькой служебной комнатке клуба, Анубис и Амон помогали грузчикам с очередной партией мебели. Что ж, они сами вызвались.

Сложив карты в чёрный бархатный мешочек, Нефтида затащила золотистые тесёмки:

– Кстати, когда я просила устроить выходной, то не имела в виду накуриться с Инпу.

– Ты не уточнила, – нахально улыбнулся Сет.

– Я серьёзно, выходной не помешает. Это Гадес может считать, что ты здесь только куришь, я-то знаю, последнюю неделю домой приходил лишь поспать.

И то не очень успешно.

– Мне нравится клуб, – пожал плечами Сет. – С богами тут прибавилось забот.

– Как хочешь. Давай, иди уже!

Он прошёл узкими коридорами к запасному выходу, не попадаясь никому на глаза. Ещё пара минут ушла на то, чтобы добраться до парковки. Сет торопился, но не потому, что опаздывал. Уже темнело, холодало, и даже шерстяное пальто казалось слишком тонким. И людей к вечеру уж слишком много, Сет старался не смотреть на них.

Оказавшись в машине, он наконец-то выдохнул. Включил двигатель прогреться.

Сет не хотел говорить Нефтиде, но он предпочитал проводить время в клубе ещё и потому, что там почти не замечал силы Осириса – особенно среди богов. Вечные существа, они словно вне времени и вне смерти. Их тела поддерживали божественные сущности, которые не старели.

Занимаясь делами, Сет ощущал пульсирующую энергию жизни. Привычный песок и огонь, крепко связанный с землёй и чем-то очень основательным, что не сотрёт даже самум. Но стоило остановиться, и поднималась вязкая, густая сила Осириса.

Сета постоянно окружали боги смерти, он давно к ним привык. Сила Гадеса ощущалась как покрывало, как плащ, который привычно тащится за ним и окутывает по мере надобности. Пахнущий асфоделями и сухой пылью некрополей.

Смерть Анубиса вихрилась стихийно, стремительные крылья за его спиной, ближе к Сету, такому же порывистому, не понимающему плавности и спокойствия.

Но сила Осириса – холод и мрак. Запечатанная гробница, в которой оказался заперт Сет, и скоро ему не хватит воздуха. Она давила весом Великой пирамиды, вымораживала изнутри, нащёптывала о той окончательной смерти, которая ждёт даже богов.

Когда-то Сет полагал, он мог спокойно уйти, если бы пришёл его час. Ничто не изменится в мире, звёзды продолжают сиять над пустыней, даже богам стоит принимать эту данность. Но ощутив внутри холодную смерть, которую несла сила Осириса, Сет понял, что умирать он совсем не хочет. У него ещё много дел и целей.

Он не смог бы оставить ни Анубиса с Неф, ни Гадеса и Персефону, ни Амона, особенно когда змей просыпается.

Но Сет отлично понимал: он жив благодаря силе Осириса. Иначе ударная доза яда Оружия Трёх Богов уже давно бы его прикончила. Яд он тоже ощущал. Струйкой слабости, просачивающейся сквозь его собственную силу, сквозь физическое тело и божественную сущность. Разжижающий кровь, заставляющий хотеть спать – и не дающий спокойно уснуть.

Сет включил музыку, покрутил громкость, чтобы мощные звуки металла заполнили салон, и наконец-то повернул ключ зажигания.

Боги селились в отелях в зависимости от своих предпочтений, но Сехмет сняла квартиру. Похоже, она знала, что задержится, или очень не любила отели. Сет давно жил в Лондоне, поэтому неплохо ориентировался и без труда отыскал нужный адрес.

Небо затянуло тучами, так что звёзды не горели, только сияющие фонари и мутные магазинные витрины. Поёжившись от промозглой мороси, забирающейся за воротник, Сет торопливо зашёл в дом и поднялся.

Сехмет открыла почти сразу. Насмешливая, в узких чёрных джинсах и кофте цвета крови, с рассыпавшимися по плечам тёмными волосами.

– Долго ты.

– В большом городе не погоняешь по дорогам.

Приходить Сет не хотел. Он искренне не понимал, что такого может рассказать Сехмет лично, чего не доверишь телефону. И не сомневался, она всего лишь хочет заставить его приехать, ощутить свою власть.

Квартира оказалась небольшой, но уютной. Старая мебель, явно оставшаяся от прежних владельцев. Если Нефтида сразу обустроивала пространство под себя, то Сехмет устраивало то, что есть. Её не очень заботил внешний лоск или уют.

Она махнула рукой на продавленный диван с цветастым покрывалом, но садиться Сет не стал. Пальто пришлось снять, хотя Сет с удовольствием обошёл бы и без этого, в нём теплее, но ни за что не признался бы в этом Сехмет.

– Я могу быть радушной хозяйкой и предложить чаю... но мы оба знаем, что я не такая, а ты пришёл не для праздных бесед.

– Рад, что мы понимаем друг друга. Что выяснила о яде?

Сехмет усмехнулась:

– Мог бы для вежливости хоть спросить, как у меня дела! Иногда стоит разговаривать, а не пользоваться.

– Не устраивай спектакль, Сехмет. Здесь нет зрителей.

Он подошёл к окну, прикрытому пыльными занавесками, тоже наверняка от предыдущих владельцев. Он чувствовал себя неуютно в доме, который не нёс не то что отпечатка, а даже тени своего владельца. Отельные номера и то лучше, они хотя бы одинаково безлики.

Окна выходили на улицу. В свете фонарей Сет видел торопящихся по своим делам людей, их головы превращались в черепа, тела осыпались прахом, и, несмотря на влажность, на губах ощущалась пыль.

Он моргнул, отгоняя видения от силы Осириса, и снова посмотрел на Сехмет. Гибкую, яркую и такую живую.

– Ты сама ушла, – сказал он. – Я тебя не бросал.

Сехмет скрестила руки на груди:

– Ты предал брата и ничего не рассказал. Что я должна была думать? Ты хотел убить Осириса.

– Ты могла мне верить.

Нефтида порой уходила, встречалась с другими мужчинами, и Сет хоть и бесился, но в глубине души признавал, что она права: за тысячи лет кто угодно устанет друг от друга, так что стоит иногда прерываться, чтобы потом снова смотреть с восхищением.

Но когда Сет узнал, что Нефтида с Осирисом, это было... неприятно. Нефтида родила от Осириса ребёнка, и это было... Сет так и не смог подобрать нужного слова.

Они сошлись с Сехмет. Меж песков пустыни и разливов Нила, в заполненном солнцем Кемете. Оба яростные, неумолимые, способные создать песчаную бурю случайно, такую же пряную от страсти, как они сами.

Сет узнал о планах Осириса, который жаждал для «общего блага» переместить всех людей в царство мёртвых, но не рассказал Сехмет. Создав Оружие Трёх Богов, он хотел убить брата, но не поставил в известность Сехмет. Она ушла. Гордая, обиженная, считающая, что он её использовал.

Тогда вернулась Нефтида. Она не задавала вопросов, не устраивала истерик и не требовала объяснений. Она верила.

Сейчас Сехмет склонила голову набок и коснулась ладонью груди Сета. Её рука была приятно горячей. Даже через ткань рубашки она хоть немного разгоняла холод, и Сет стоял не двигаясь.

– Скажешь, я тебе не нравлюсь? До сих пор. Хоть чуточку.

В её голосе перекатывалось рычание дикого хищника, огромной кошки, которая расслабленно мурчит, изящно выгибается, но оторвёт тебе руку, если потребуется. Когда-то именно поэтому Сехмет привлекла Сета. Она была такой же опасной и неудержимой, как он сам.

Её пальцы скользнули между пуговицами, под рубашку, и Сет перехватил её руку, отстранил. Он не знал, насколько далеко Сехмет может зайти, провоцируя, но и выяснять не хотел.

– А что скажет твой нынешний любовник?

Он слышал, сейчас Сехмет с кем-то из ацтекского пантеона. Вполне в её духе: те боги всегда готовы к кровавым жертвам и жаждут оторвать кому-нибудь голову.

– Он может присоединиться к нам, – промурлыкала Сехмет. В притворном изумлении подняла брови. – Нефтида так против небольшой компании? Мы могли бы и её пригласить.

Сет резко отпустил руку Сехмет. Не из-за её слов – она говорила что-то ещё, но он уже не слышал. Он чувствовал себя так, будто попал в суховей, но этот вызвал не ветер, а яд. Ползущий внутри, будто змея, заставляющий воздух сгуститься, сердце замедлиться, лечь и умереть прямо здесь. Во рту пересохло, а перед глазами стремительно темнело. Казалось, один свернувшийся внутри холод не давал жару полностью завладеть телом.

Ухватившись за спинку дивана, Сет на ощупь сел, почти упал, даже не ощущая продавленного сиденья. Перед глазами постепенно прояснилось, звон в ушах исчез, вернулась чувствительность, и Сет ощутил под пальцами пыльную шероховатую обивку.

Сехмет сидела напротив. Она молча придвинула к нему стакан с водой, а после второй, с чем-то дымчато-жемчужным.

– Что это? – спросил Сет и покорно выпил.

– Моя версия зелья. Боги-лекари сделали, что смогли, в кратчайший срок, но оптимизаторы они так себе. Их зелье сложное и трудоёмкое. Я обойдусь водой из Стикса и парой ингредиентов из Дуата. Научу оставшихся лекарей.

– Спасибо.

Сехмет сейчас не пыталась ни соблазнить, ни ворошить прошлое. Она едва заметно хмурилась, и Сет вспомнил, что, несмотря на свой взбалмошный характер, Сехмет – защитница богов. Она сделает всё, чтобы помочь им, даже если среди них Сет.

– Ты ведь понимаешь, что в тебе слишком много яда? – спросила Сехмет. – Ты жив из-за силы Осириса, а не благодаря зелью.

– Да.

– Зелье отлично поможет Зевсу, тем более оружие у меня, никто им больше не воспользуется. Но ты совсем другое дело. Даже с зельем яд будет продолжать действовать, хотя и не убьёт.

– Да. Но я не знаю, что это значит.

– Никто не знает. Но на всякий случай не умирай. Возможно, пока ты будешь возвращаться, яд сумеет без зелья убить твою божественную сущность.

– Я постараюсь, – усмехнулся Сет.

Он не стал говорить, что его волновало другое. Его физическое тело не умирало последние лет двадцать, он был достаточно аккуратен. Но и предположить не мог, что будет, если змей Апоп действительно проснётся и придет за Амоном. Хватит ли у Сета сил его победить? Легенды гласят, это может сделать только он. И дело вовсе не в том, что другие боги слабее, просто это его дело, его сила может сразить.

Сехмет откинулась на спинку кресла, и оно протяжно скрипнуло. Хотя бы не рассыпалось.

– Когда Анубис написал, я не думала, что это серьёзно. Да, слышала о вашей заварушке с убийством богов, даже об Оружии. Но всё казалось далёким и не важнее обычных разборок.

Она подняла руку, ладонью к Сету, и провела по воздуху сверху вниз, её пальцы слегка шевелились.

– Но я чувствую в тебе яд. И он необычный. Я пришла, потому что Анубис попросил. Но осталась.

– Ты бы всё равно пришла.

Опустив руку, она не ответила, но Сет знал, что Сехмет не настолько легкомысленная, какой хочет казаться.

– Я хочу попросить, – сказал Сет. – Останься пока здесь.

– Боишься, зелья не хватит? Не волнуйся, я оставлю рецепт, даже ты сможешь его смешать.

– Нет, боюсь, может понадобится лекарь.

– Я подумаю, – отозвалась Сехмет насмешливо.

Запас благожелательности Сета иссяк, он наклонился вперёд и почти прорычал:

– Останешься!

– Что ты себе позволяешь? – тут же вспыхнула Сехмет. – Никогда тебе не подчинялась и не буду!

Он не стал возражать, решив, что, если придётся, можно попросить Амона приказать. Сехмет не осмелится не подчиниться. Амон тоже будет убедителен, он не хуже Сета понимает, что лекари сейчас нужны, и желательно рядом.

– Если бы Кронос хотел убить Гадеса или Зевса, то уже сделал это, – сказала Сехмет. – Вряд ли твоему другу что-то угрожает.

Сет ненавидел продумывать планы. Он предпочитал действовать здесь и сейчас, поэтому даже задумываться о лекарях казалось ему непривычным. Может, так действовала сила Осириса. Или обычные опасения.

– Кронос что-то задумал, – проворчал Сет. – Апоп просыпается.

Сехмет снова нахмурилась. Если кому и принадлежала её верность, то именно Амону, его она слушала беспрекословно и так же безгранично уважала. Если есть опасность для Амона, она точно задержится.

– Если Анубису понадобится помощь, ты поможешь.

– Ты совершенно не умеешь разговаривать с людьми, – заметила Сехмет. – Конечно. В отличие от тебя, Анубиса все любят.

Она хотела добавить что-то ещё, но Сет решительно поднялся. Остаться дольше он не хотел.

– До встречи, Сехмет. Спасибо.

– Надеюсь, до встречи, Сет.

В машине Сет первым делом включил печку и обхватил себя руками, ожидая, когда прогреется салон: в некоторые моменты холод становился почти невыносимым. Казалось, что кончели кончики пальцев, а губы немели, и становилось так сложно произнести хоть слово.

Один из псов захотел показаться, и Сет позволил. Тени прошелестели и появились в виде чёрных остромордых собак на соседнем сиденье. Тут же запахло мокрой землёй, голова из теней ткнулась в локоть Сета. Он не знал, псы ощущали его холод или мёрзли сами в промозгом и сыром лондонском воздухе. Расстегнув пальто, он позволил собаке забраться на колени и укрыл. Сразу стало теплее.

Когда Гадес зашёл в ванную, то скользнул по Сету взглядом, но ничего не сказал. Хотя Сет видел, что тот удивился. Спокойно вымыв руки, Гадес снял полотенце и, вытирая, повернулся к Сету:

– А я всё думал, зачем тебе ванна, если есть душевая кабина.

Вместо ответа Сет выдохнул в его сторону горький сигаретный дым.

– Здесь вытяжка лучше всего работает, – пояснил Сет. – Ненавижу, когда мебель дымом воняет.

– Поэтому ругаешься на Анубиса, если он курит на кухне? Он всё равно это делает.

– И считает, что я ничего не замечаю.

Хмыкнув, Гадес повесил полотенце и подошёл к ванне, в которой удобно расположился Сет.

– Давай двигайся.

Пришлось согнуть ноги, и Гадес уселся напротив. Потянулся, чтобы достать из лежавшей пачки сигареты.

– Ну, ты надымил. Явно давно сидишь.

Гадес закурил, смотря куда-то в сторону и, не отводя взгляд, заметил:

– Там на шкафчике сидит твой пёс. Это нормально?

– Они могут появляться где хотят. Этот любит высоту.

– Ты их различаешь?

Сету не приходило в голову давать псам имена, и они такого не поняли бы. Но он знал их по оттенкам ощущений, по характерам, который у каждого свой. Хотя объяснить такое не рискнул бы.

Они молча сидели и курили в душевой ванной, наполненной теплом и уютной тишиной.

– Я был у Сехмет, – сказал Сет. – Она создала зелье.

– Отлично.

– Можешь порадовать Зевса.

– Да ему и так неплохо. Он не очень остро реагировал на нехватку зелья. Зато прощупал Кроноса своей молнией.

– И как?

– Говорит, Кронос не так силён, как хочет казаться, – ответил Гадес. – Поэтому поднимает чудовищ. Но это Зевс, он может искренне преуменьшать.

– Думаешь, Кронос не нападает по другой причине?

– Он осторожничает и выжидает. Нам это в любом случае не несёт ничего хорошего.

Покрутив сигарету в руках, Сет посмотрел на неё. Ещё один пёс появился на стиральной машинке, разглядывая то Сета, то Гадеса.

– Расскажи о Титаномахии, – попросил Сет.

Вспоминать Гадес не любил, а произошло всё задолго до их знакомства. Но в этот раз Гадес не возражал.

– Тогда в пророчества верили куда больше, чем сейчас. Кроносу предсказали, что его дети поднимутся против него. Поэтому каждого рождённого он запирает в пещере. Не очень

весёлое детство. Но Зевсу удалось вырваться, он смог освободить меня и Посейдона, за ним пошли другие боги. Мы сражались против Кроноса и титанов. Победить остальных оказалось проще.

Он помолчал, собираясь с мыслями или просто вспоминая. Сет не торопил.

– Было много боли и крови. Очень. Кронос не желал смириться. И он не такой дурак, каким может казаться. Но у него тоже есть слабые места. Я создал Подземный мир, вместе с Посейдоном и Зевсом нам удалось заманить туда Кроноса, и втроём мы запечатали врата в Тартар. Это произошло очень давно.

Сет видел, что воспоминания об этом всё равно хранятся в глубинах памяти Гадеса. Отражаются на его лице неуловимо изменившимся выражением, тьмой, что всколыхнулась вокруг него.

– Кронос жесток, – сказал Гадес. – Его ничто не сдерживает. Он силён и правит чудовищами, а у нас пока не очень выходит объединяться.

Сет понимал, что Гадес имеет в виду всех богов.

– Пусть Зевс попробует, – предложил Сет.

– Ты же его не любишь.

– Потому что он напыщен и самоуверен. Но может стать неплохим лидером, если будет слушать тебя.

– Кто бы меня слушал, – проворчал Гадес. Посмотрел на Сета. – Если придет Кронос, пообещай, что не полезешь в драку.

– Даже не собирался.

Сет не врал: он действительно об этом не задумывался. Да и к чему! Если Гадесу будет угрожать опасность, он точно не станет размышлять.

Когда они наконец-то вышли из ванной, Анубис лежал в гостиной, уткнувшись лицом в подушку, и картинно стонал:

– Ты решил нас угробить! Между прочим, рабство отменили больше сотни лет назад.

– Вы сами хотели помочь, – заметил Сет.

Подняв голову, Анубис посмотрел на Сета, явно стараясь придать своему лицу наивысшую степень страдания:

– Не мебель же таскать!

– Ты выносливее любого человека. А они справляются.

Анубис упал обратно в подушку, продолжая ворчать.

– А где Амон?

– Пошёл за чаем. Рабам иногда можно пить!

– Да-да, – отмахнулся Сет.

Нефтида сидела в спальне. Подогнув одну ногу под себя, листала какой-то журнал, судя по картинкам, по искусству. Она подняла голову и хмуро глянула на Сета:

– Как визит к Сехмет?

– Прекрасно! Она встретила меня голой, и мы занялись сексом прямо в дверях.

Он едва успел уклониться от полетевшей в его сторону подушки, а негодование на лице Нефтиды было таким искренним, что Сет не удержался от улыбки.

– Не смешно! – заявила Нефтида.

– Ну, я же не спрашиваю, как ты проводишь время с Зевсом.

– Он никак не может решиться на активные действия. – Нефтида сделала многозначительную паузу. – На действия с пантеонами, конечно. И с Хель. Казнить её нельзя, кто тогда будет держать мир мёртвых. Но наказать нужно.

– Как всё сложно.

Подобных метаний Сет не понимал. В его представлении наказание Хель нужно было вынести сразу же, а не тянуть с этим. И богов объединить побыстрее, пока Кронос не вывел своих чудовищ.

Сет улёгся с другой стороны кровати, скользнул под покрывало, нагретое теплом сидящей рядом Нефтиды.

– Устал? – сочувственно спросила она.

– Замёрз. Меня надо согреть!

Отложив журнал, Нефтида тоже юркнула под одеяло. Её прикосновения были не обжигающими, но невесомыми, будто крылья ночных бабочек. А потом всё более требовательными, пока она раздевала Сета.

За многие и многие годы они успели отлично узнать тела друг друга. И всё равно Сету нравилось гладить кожу Нефтиды, ощущать изгибы и дыхание на шее.

Песок смешивался с ночными цветами, прятая ночь поглощала бурю, рождая что-то новое и удивительное. Сет не сдерживал свою силу в постели, он знал, что его глаза отливают красным, но Нефтида легко воспринимала его мощь, нежно и трепетно, вбирала в себя и возвращала чем-то спокойным и умиротворённым.

Вокруг них раздавался высокий мелодичный тон, иногда так поют пески в пустыне, вызывая к звёздному небу вместе с пылью.

– Мой избранный, – шептала Нефтида на древнеегипетском.

И её тело становилось его обителью, где грозный самум скручивался в песчаного фенека, где царапающие колючки акаций опадали лепестками цветов, где среди барханов уносился к небу дым от костров туарегов.

Нефтида шептала, что любит его. И Сет отзывался – как и тысячи лет до этого.

3

Скрестив ноги, Анубис сидит на полу и курит, выпуская дым в потолок. Это помогает успокоиться. По крайней мере, он уже не ходит по комнате и не пинает со злости вещи.

Гадес появляется бесшумно и усаживается рядом. Тянется к пачке и тоже достаёт сигарету.

– Почему он вечно никого не слушает? – Когда Анубис начинает говорить, то сам слышит, как прорывается раздражение в голосе. Ещё не успокоился.

Гадес тонко улыбается:

– Зато мы знаем, в кого ты такой.

Анубис бурчит что-то под нос. Его в принципе устраивает, что он не очень-то похож на занудного Осириса.

Меланхолично выпустив дым в потолок, Гадес говорит:

– Ты же его знаешь. Он – воин, он – клинок. Он никогда не останется в стороне, всегда пойдёт первым.

– И поляжет первым.

– Он – лезвие. А мы будем гардой.

Мышцы болели после трудового дня, и Анубис особенно долго стоял под душем, наслаждаясь теплом. Он хорошо помнил время, когда воду приходилось набирать из колодцев и подогревать. Хорошо хоть в Дуате имелись горячие источники.

Анубис и сейчас чувствовал мертвецов. Ещё одна причина, почему в последнее время он начинал и заканчивал день в ванной: постоянно хотелось помыться, словно струи могли смыть ощущения. Заставить исчезнуть чёрные крылья царства мёртвых. Анубис старался не задумываться, что теперь так будет всегда.

После того как Кронос вырвался на свободу, стало хуже.

Анубису казалось, он почти привык, перестал обращать внимание на плотную тень Дуата за спиной, но потом мир начал трещать по швам, будто старый, выжженный солнцем мешок. Сквозь образовавшиеся щели просачивались древние чудовища, которые просыпались. Мир становился... Анубис не мог подобрать точного слова. *Неправильным.*

Он сам начал не только ощущать мертвецов, но и слышать их. Они пробирались в сны, нашёптывали что-то на сотнях языков, стоило наступить тишине. Анубис терялся в них, старался игнорировать, но порой они становились слишком громкими. Это выматывало, и Анубис не расставался с наушниками: музыка отлично заглушала загробные голоса.

В какой-то момент Амон начал ходить за ним по пятам, и Анубис замечал его украдкой брошенные беспокойные взгляды. В итоге сорвался и огрызнулся, что нянька ему не нужна. Амон не обиделся, но предложил заняться чем-нибудь в клубе.

Никто не заставлял их таскать мебель, с этим вполне бы справились люди, но Анубису нравилось делать что-то, не связанное ни с Дуатом, ни с божественной силой.

Выключив воду, Анубис вылез из ванны и потянулся за большим полотенцем, но в этот момент заметил внимательно следящие за ним глаза почти из-под потолка, с верхней полки шкафчика.

– Подсматривать нехорошо, – проворчал Анубис и начал вытираться.

Пёс Сета зевнул и устроился поудобнее. Можно было решить, что его послал Сет, но это точно не так. Сет не следил за Анубисом, оставляя ему полную свободу действий.

Всё равно кожа оставалась будто липкой от бестелесных прикосновений, не смыть водой. Анубис постарался не обращать внимания и побыстрее лечь спать в своей комнате.

Стоило ему задремать, он увидел старые сны: пылающий огонь, силу, которая срывала барьеры. В своих кошмарах Анубис не мог контролировать мощь и убивал всех, кого он любил. Собственными руками останавливал их сердца, и теперь их следовало взвесить перед вратами в Дуат.

Открыв глаза, Анубис сел на кровати, тяжело дыша. Ему давно снились подобные вещи, с самого детства, но в последний раз он видел эти сны накануне приёма, устроенного Зевсом. Вещими не были, но вот пугающими – точно. Легко обнажающими самые сильные страхи, в которых Анубис не решился бы признаться.

Он посидел какое-то время, снова лёг, но больше сон не шёл. Проворочавшись не меньше часа, Анубис всё-таки сдался. Натянув штаны и футболку, вышел из комнаты: квартира дышала тишиной, все спали. На кухне Анубис выпил воды, посмотрел, что часы показывали четыре утра, на них как раз красиво лёг лунный свет из окна.

Из-за звёзд в гостиной с её огромными панорамными окнами было почти светло. Анубис размышлял, чем бы ему заняться и как убить время, когда его взгляд наткнулся на пачку таблеток, лежавших на столе. Снотворное, что принесла Нефтида и которое действовало даже на богов. Сету оно явно помогло.

Недолго думая Анубис решил – это отличное решение проблем. Он выпил одну таблетку и крутил в руках пачку, размышляя, следует ли принять вторую или всё же найти инструкцию.

Голоса мертвецов стали громче. Языки, на которых они говорили, смешивались в единое невнятное бормотание, наполняли голову, виски тут же заломило от боли, и Анубис больше всего на свете хотел, чтобы они наконец заткнулись. Он выпил ещё одну таблетку – или это уже третья? – глаза слипались, так что он улёгся прямо на диване.

Сны действительно не снились, а мертвецы вроде бы замолчали, но потом накиннулись с удвоенной силой. Они пытались утянуть, утащить в Дуат или ещё дальше. Анубис соскальзывал. Его сила вырывалась, клубилась вокруг него самого.

Анубис и раньше плохо с ней управлялся. Боялся, что она разрушит ненароком его самого, чаще – что всех вокруг. Сейчас он попытался встать, но понял, что уже не спит. Он оказался глубже, чем любые сны, окутываемый мертвецами и собственной холодной, пронизывающей силой смерти.

Как будто он уходит под воду с привязанными к ногам камнями и мечется, захлёбывается, не может понять, в какой стороне мутная поверхность.

Анубис готов был запаниковать, но у него имелся ориентир. Маяк. В какую бы бездну ни утягивала его собственная сила, как бы он в ней ни терялся, он помнил о маяке, на свет которого шёл без сомнений и колебаний.

Мать для этого не подходила, Нефтида сама по себе была слишком ускользающей, тайной, водой, которая везде находит дорогу. Она – тишина между ударами сердца, холодная ночь в пустыне, едва уловимый запах жасмина. Анубис любил её, но ни за что из этого не мог уцепиться.

Сет же оставался земным, настоящим и... осязаемым. Даже когда каждую пору кожи Анубиса заполняла сила смерти и мертвецов, он мог почувствовать Сета. Его спокойный песок, так сильно связанный с землёй, что сам Сет становился чем-то очень основательным. Нагретые камни и жалящие скорпионы.

Анубис и сейчас уцепился за это, устремился к маяку. Вынырнул из собственной вязкой силы.

И задрожал от холода, обхватывая себя руками. Отплёвываясь от ледяной воды. Она стала таким реальным продолжением ощущений, что в первый момент Анубис не мог сообразить, где он и что происходит. Потом понял, что сидит в ванне, прямо в одежде, и Сет щедро поливает его из душа.

– Проснулся? – хмуро спросил Сет. – Сколько таблеток выпил?

– Одну. Может, две... или три...

– Займись арифметикой на досуге. У тебя с ней проблемы.

Анубис осторожно покосился на Сета, боясь увидеть на его лице раздражение, но Сет казался спокойным. Он ни разу в жизни не смотрел на Анубиса с неодобрением.

– Извини, я не специально, – пробормотал Анубис.

– Знаю. Не мог уснуть?

Анубис кивнул. Спросил:

– Который час?

– Ночь ещё.

Не хотелось думать, что могло произойти, если бы Анубис не проснулся: в крайнем случае умерло физическое тело, не страшно, вернулся бы. Хотя сейчас такого лучше избегать.

– Почему я всегда доставляю столько проблем...

Обхватив колени, Анубис мелко дрожал. Сет выключил воду и кинул ему полотенце.

– Не носи чушь.

Анубис промолчал. Он знал, что Сет начинает ругаться, когда его действительно что-то задевает. Вытер волосы.

– Неужели ты не понимаешь? – Сет казался искренне удивленным. – Ты – один из самых сильных богов. Просто тебе сложно направлять эту силу.

Он помнил, как познакомился с Сетом. Тогда Анубис почти не бывал в мире людей, а собственную стихийную силу оказывалось всё сложнее контролировать. Ему почти каждую ночь снились кошмары о том, что он случайно выжигает весь Дуат.

В свойственной ему отстранённой манере Осирис сообщил, что Анубис отправится к матери – и к Сету. О последнем Анубис слышал, что он муж Нефтиды и брат Осириса, который хотел его убить. Об этом, разумеется, судачили даже ушебти, так что историю Анубис знал хоть и однобоко, но хорошо.

Осирис не упоминал брата, а Нефтида сама приходила к сыну, поэтому чего ожидать, а главное зачем, Анубис не понимал. Да и мир людей особо не знал.

– Он покажет, – это всё, что сказал тогда Осирис.

Анубис хорошо помнил прищуренный взгляд Сета и его слова:

– Ну, здравствуй, племянничек.

В первое время, разумеется, всё было плохо. Сет оказался вспыльчивым и нетерпимым, Анубис ничуть от него не отставал и сначала молчал, а потом всё делал назло. Он специально нарывался, чтобы его поскорее отправили обратно в понятный и привычный Дуат.

Но потом Сет взял его в пустыню. Когда Анубис впервые увидел верблюдов, он искренне удивился и долгое время гладил их, зарываясь пальцами в курчавую шерсть, касался жёстких губ и с трудом удержался, чтобы не потрогать длинные густые ресницы, защищавшие глаза животных.

Верблюды стали первым искренним и безграничным восторгом в жизни Анубиса.

– Ты что, раньше их не видел? – удивился Сет. – Они же по всему Кемету.

Тогда Анубис впервые не огрызнулся, покачал головой. В Дуате верблюдов не существовало. Пустыни тоже. В ту поездку Анубис куда лучше понял Сета, возможно, тот не любил царство мертвецов именно потому, что там не было неба.

Внутри Сета перекатывалась эта пустыня, спокойная, с завывающим ветром, песком и звёздами. Но именно Сет после этой поездки показал притихшему Анубису, что мир людей сильно отличается от Дуата. Сет любил людей, а вслед за ним полюбил и Анубис. Оказалось, здесь действительно куда интереснее, чем среди мертвецов. И дальше Анубис каждый раз радовался перспективе улизнуть от Осириса и Дуата.

Хель заперли в той же комнате, в которой до этого сидел Фенрир. Анубис понятия не имел, сделано это специально, с извращённым чувством мести, или не нашлось другого подходящего помещения.

Продавленный диван она игнорировала, устроившись у стены, подтянув к себе колени. Джинсы на коленке разорваны, и можно лишь гадать, были ли они такими изначально.

Взяв стул, Анубис уселся на него верхом и положил голову на спинку.

– Как ты здесь?

– Лучше, чем могла бы, – уклончиво ответила Хель.

Она смотрела на стену, собственные колени, даже ножки стула, но не на Анубиса. Он догадывался почему. Фенрир и Анубис не были друзьями, но хорошими знакомыми – о да. Наверное, если бы не случилось целого вороха других вещей, казнь Фенрира трогала бы больше.

– Они не знают, что с тобой делать.

– Понимаю, – фыркнула Хель. – Убить меня нельзя, что тогда будет с мертвецами. Отпустить тоже не могут. А мой пантеон, подозреваю, предлагает вам снова самим решать проблемы.

Долго они молчать не смогут. Анубис отлично знал, что Гадес насаждает на Зевса: тот по каким-то причинам именно сейчас решил не торопиться наводить порядок и организовывать всех и вся. Хотя стоило бы. В Лондоне собрались представители почти всех пантеонов, божественные чатики так и ломались от сообщений, хотя большинство спрашивало, какие бары самые приличные, а Шива уже всех достал, ежедневно отчитываясь о стрип-клубах.

Кроме скандинавов. Они не игнорировали, но отвечали лаконично, и Анубис видел, как хмурился Гадес, когда об этом заходила речь, как переговаривался о чём-то с Амоном, и тот неизменно мрачнел, как будто на солнце находила тень.

Анубис предпочитал не лезть в эти дела. Не потому, что ему неинтересно, а потому, что он ничего не понимал в «божественной политике». Мешал. Если же его помощь понадобится, ему скажут.

– Зачем ты пришёл, Анубис? – Хель наконец-то посмотрела на него. – Зашёл в гости? Поглумиться? Высказать всё, что обо мне думаешь?

– Ни то, ни другое, ни третье. Я пришёл за советом.

– Моим? С чего бы вдруг?

– Потому что он о царстве мёртвых.

– Спроси у Гадеса.

Анубис не хотел рассказывать, что Гадес понятия не имел, о чём говорил Анубис, и ничем не мог помочь. Да и Анубис хорошо понимал, что у того хватает других проблем, а не разбираться с царством другого пантеона.

– Я слышу мертвецов, – сказал Анубис. – С тех пор, как Кронос на свободе.

Хель как будто удивилась, но потом нахмурилась:

– Равновесие в мире пошатнулось. Всё может быть.

– И что делать?

– Понятия не имею. Кронос не будет обращать внимание на такие мелочи. Ему плевать, даже если весь мир рухнет. Он построит новый.

– А он может?

– Вряд ли. Но сам он уверен, что да.

Анубис склонил голову, всмотревшись в Хель:

– Ты много знаешь о Кроносе. Зачем же хотела его освободить?

– Не хотела.

Он ждал, она скажет что-то ещё, но Хель молчала и неловко вырывала нитки из дырки на джинсах, словно сейчас это стало самым важным делом на свете. Анубис вздохнул, раз-

мышляя, что зря он пришёл, лучше бы сразу отправился в зал клуба. Теперь боги обязаны приглушать силу, и находиться там стало куда проще. Прежде Анубис предпочитал служебные помещения и даже Амону не признавался, что не уверен, сможет ли контролировать собственную силу при таком давлении.

Неожиданно Хель прервала своё интереснейшее занятие и снова в упор посмотрела на Анубиса. Её голос звучал надтреснуто, как будтодвигающийся лёд в бескрайних просторах Арктики:

– Я скажу тебе то, чего не говорила никому другому.

Он вскинул брови, слушая.

– Я надеялась, с Фенриром не дойдёт до того... что вышло. Я любила брата. Я заслуживаю наказания. Но если бы снова пришлось выбирать, я бы пошла за Гекатой.

– Этого ты никому не говорила, да? – иронично спросил Анубис.

– Я никому не говорила, что знала, если я не буду с Гекатой, то окажусь против неё. Я не настолько сильная, как Гадес... или как был Осирис. Меня убили бы первой. И либо завладели силой мертвецов, либо не совладали с ней и выпустили в мир людей.

– Так ты о людях заботилась?

– Нет, о своём царстве. Сейчас ты можешь понять, принц мёртвых, это наша ответственность.

Анубис фыркнул в ответ. Ему казалось, Хель ищет себе оправдания.

– Ты дура, Хель. Испугалась за собственную жизнь. Хотела больше власти.

– Можешь думать, как тебе больше нравится. Надеюсь, ни тебе, ни Гадесу не придётся выбирать между ответственностью и близкими. Любой выбор окажется провальным.

Слова Хель ему не нравились, возможно, потому, что в них чувствовалась доля правды. Хель действительно не была сильной богиней, а помогать ни ей, ни Фенриру никто не спешил. Анубис отлично помнил тёмные поля Дуата, когда единственную постоянную компанию составляли ушебти, а сам он почти не знал других богов или мир людей. Ему бы тогда тоже никто не помог.

Рассеянно Анубис провёл пальцам по многочисленным серёжкам в ухе. Выпрямился, собираясь уходить.

– Ты можешь обращаться к мертвецам, – сказала Хель. – К их знаниям. Если ты слышишь, они могут отвечать.

– И толку? Они не расскажут, как убить Кроноса. Или сделать так, чтобы мир не разваливался.

– Не смогут, – согласилась Хель. – Но есть кое-что ещё о чудовищах.

– Откуда познания?

– Ты забываешь, у меня есть ещё один брат, которого легко причислили к монстрам и заставили уснуть. Я знаю, что чудовища могут убить бога своего пантеона. Для остальных они безвредны.

– Ага, зато физическое тело уничтожат. А так-то никаких проблем.

Он поднялся на ноги и вернул стул на место, оглушительно и мерзко прочертив ножками по полу.

Не прощаясь, Анубис вышел из комнаты Хель, сунув руки в карманы. Он знал, что дверь защищает целая куча магии, которую повесили боги, она удерживала Хель, но отзывалась лёгкой щекоткой в теле.

Анубис несколько дней не возвращался в Дуат и думал, что стоит его проверить. Слова Хель невольно укололи, напомнили, что теперь Анубис отвечает за миллионы душ и целое царство. Его страшила такая ответственность. Тьма за спиной будто сплеталась из ощущения мертвецов, окутывала запахом склепа и нагретого солнцем известняка. Оттягивала плечи.

Иногда Анубису казалось, он соскальзывает даже посреди тишины и солнечного света. Куда-то в вязкую бездну то ли силы, то ли собственного сознания. Задыхается. Но потом мысленно нащупывал Сета, свой неизменный маяк, и снова обретал твёрдую почву под ногами.

Анубис вошёл в зал клуба, сейчас полный и богов, и людей. Уверенно направился вперёд, оглядываясь. Вечерами тут собирались, конечно, не все, но многие.

Зевса видно не было, а вот Гадеса Анубис заметил. Тот шагал с двумя высокими бокалами в сторону ВИП-зоны, там наверняка ждали Персефона и Сет с Нефтидой.

Анубис, в отличие от Амона, не жаждал остаться с одной девушкой – им всем чего-то не хватало, даже если не брать во внимание, что он не мог рассказывать смертным о богах. Он видел Сета с Неф и на меньшее не соглашался.

Мать Анубис любил, хотя не всегда её понимал. В Нефтиде сквозило что-то... непознаваемое. Что-то неуловимое, как запах притаившихся в листве цветов. Он знал, у многих возникал вопрос, как же Нефтида сошлась в своё время с Осирисом, но Анубису это казалось само собой разумеющимся. Они оба были чуточку потусторонними, непостижимыми, тёмным пространством между звёздами.

С Софи Анубис почти не говорил: она теперь то пропадала в Подземном царстве, то бывала рядом с Гадесом. Вернув себе память и статус королевы, она едва уловимо изменилась, словно стала выше, плечи расправились, а на мир она смотрела, гордо вздёрнув подбородок.

Протолкнувшись к барной стойке, Анубис уселся и заметил на другом её конце сидящую Сехмет. Она казалась необыкновенно смиренной, хотя взгляд её из-под полуопущенных ресниц сверкал угрозой. За её спиной стоял Амон, положив руку ей на плечо, и что-то говорил с серьёзным выражением лица.

Глава пантеона и его ручная львица.

– Я тебя помню, – заявила барменша. Она остановилась напротив Анубиса и упёрлась руками в стойку. – Хорошо, что сегодня шумно и твои песенки никто не услышит.

Анубис показал язык, демонстрируя пирсинг и презрение.

– Лучше налей мне чего-нибудь.

– И записать на счёт заведения? Я помню, ага.

Анубис искренне удивился, что новенькая девушка успела его запомнить. Они всего раз с Амоном пили тут и распевали про лошадку. Правда, так настойчиво, что девушка пригрозила их выгнать. Амон в ответ рассмеялся и сказал, что не выйдет, они всё равно вернуться, потому что отец Анубиса владеет этим местом.

Барменша подала стакан с мутным коктейлем и тут же упорхнула к другим клиентам. Анубис всерьёз размышлял, стоит ли выпить, когда на место рядом с ним устроился кто-то, сказавший:

– Тут же свободно?

Он рассеянно кивнул, делая один глоток, но нахмурился. Он повернулся и тут же узнал девушку:

– Луиза!

Анубис помнил тот день, когда встретил её: тогда краем уха слышал, что кто-то убивает богов, но не знал, что Сет уже получил дозу яда Оружия. Он прибыл в Лондон из Дуата, чтобы сопровождать отца на приёме Зевса.

День тогда начинался так же, как многие: сумрачным, стылым, наполненным влагой. Позже пошёл дождь, от которого Анубис спрятался в первой подвернувшейся церкви. Он любил храмы, каким бы богам они ни посвящались, хотя священники не любили его все, поголовно. Особенно в нынешнее время, когда он «сквернословил и одевался неподобающе».

Там скрывалась от непогоды и Луиза. Она составила ему компанию вечером, а позже и ночью. Наутро растворившись в поднявшемся тумане.

Позже Анубис осознал: Луиза не совсем человек. Но так ловко скрывала, что Анубис не сразу понял. Сейчас он пристально всмотрелся в девушку, и загоревшаяся касалась ощущение её силы, но сразу не получалось сказать, к какому пантеону она относилась.

Луиза распустила тёмные волосы, надела неброское чёрное платье. Никаких украшений, как будто Луиза их не любила или их у неё попросту не было.

– Рад тебя видеть, – улыбнулся Анубис. Он действительно обрадовался. – Будешь что-нибудь? Для людей... или нет?

Она смущённо опустила глаза и принялась водить пальцем по барной стойке:

– Когда мы встретились, я не знала всего.

– И когда же поняла, что Анубисом меня зовут не просто так?

– Это сложно. Я знаю о богах, но не всё. И не сразу поняла, что ты действительно один из них.

– Из них? А ты?..

Анубис сделал знак барменше, и она кивнула, а Луиза всё так же не поднимала глаз:

– Я не знаю, с чем это связано, но я помню частично. Не так давно начала вспоминать.

– А тут оказалась случайно?

– Я искала, клуб ты упоминал.

Анубис задумался: он знал о единственном существе, которое вроде бы должно быть без памяти. Но это казалось слишком странным совпадением.

– Покажи свою силу, – сказал Анубис. Это звучало грубовато, но сейчас плевать. Он никогда не видел Макарию и её силу, но попробовать стоило. – Покажи.

Замявшись, Луиза глотнула из своего стакана, а потом что-то слегка изменилось, но даже в переполненном богами клубе Анубис не сомневался: это она. Та же мягкая тёмная сила, что у Гадеса, невидимые, но ласкающие фиолетовые искры, ощущение крошащихся под пальцами кирпичей из города Подземного мира.

И запах миндаля. Или марципанов, сладковатых, скрадывающих гниение смерти.

Анубис моргнул и посмотрел на Луизу:

– Я знаю, кто ты.

На её лице отразилось удивление, она опустила глаза и поболтала в коктейле трубочкой:

– Ты сможешь?

– Я себе-то помочь не могу. Но отведу к Гадесу. Конечно.

Тот искал дочь. Не очень успешно, но неудивительно, если память ещё не вернулась к ней полностью. Кто же знал, что тогда в церкви Анубис встретил именно Макарию.

Почти все женщины Анубиса задерживались только на одну ночь. Он не скрывал своих намерений, не врал, а они соглашались. По крайней мере, с теми, кто хотел иного, он не имел дел. И не видел в этом ничего плохого, даже постоянно подкалывал Амона, что ему стоит перестать искать большой и вечной любви.

Но те женщины не были богинями блаженной смерти. И уж точно не были дочерьми Гадеса.

Смерть тянется к смерти.

Эти слова в голове не принадлежали ему самому. Мертвецы. Они снова навязчиво пробирались в голову. И другое: помимо шёпотов, Анубис ощутил что-то вроде холодка вдоль позвоночника. Дурное предчувствие. Мрак, который смыкался вокруг и принадлежал не ему, но нес только смерть.

Истинную. Настоящую. После которой не возвращаются даже боги.

Перед глазами тут же возникли картинки из кошмаров, когда он раз за разом видел, как погибают те, кто ему дорог. В глазах потемнело, Анубис ощутил собственную силу, взметнувшуюся, окутывающую бальзамическим ароматом. Вцепившись в стойку, Анубис попытался

вздохнуть, казалось, сам воздух загустел, стал превращаться в огромные тёмные крылья за спиной. Полные мертвецов и душ, проглядывающих из Дуата.

– Анубис! Анубис, ты меня слышишь?.. Анубис!.. Инпу?

Он наконец-то вздохнул, позволяя силе схлынуть, свернуться. Отпустил сжимаемую до этого барную стойку. Рядом стоял Амон, он и тряс Анубиса за плечо.

– Что-то не так, – выдохнул Анубис. – Здесь. Сейчас.

Амон нахмурился, но в этот момент увидел Макарию, прищурился, а потом его глаза удивлённо распахнулись: он явно узнал.

Сказать хоть что-то Амон не успел. Потому что зал на секунду затих, а после взорвался криками, каким-то шумом. Анубис огляделся и первым делом заметил Сета, который вышел из ВИП-зоны, видимо ощутив Анубиса. Но теперь возникла проблема поважнее: Анубис понял почти сразу, по чуть изменившейся в зале силе.

Чудовища.

Они здесь.

Не совсем в облике людей, но и не страшные монстры. Скорее они чем-то походили на псов Сета, такие же порождения древнего хаоса. Смазанные силуэты, сотканые из воздуха, неоновом свете, теней, которые сновали то здесь, то там по залу.

– Тифон! – выдохнул Амон. – Ехидна, Химера...

Ну конечно: греческие чудовища проснулись первыми. Анубис понятия не имел, на кого они имеют здесь зуб или им всё равно, кого рвать.

Или их направляет Кронос, что куда вероятнее.

Амон кинулся вперёд, Анубис схватил испуганную Луизу за руку и потащил в сторону. В памяти живо всплыли слова Хель о том, что для своего пантеона чудовища смертельно опасны. Оттащив Луизу в угол, он отрывисто сказал:

– Оставайся здесь и не вылезай. Ни при каких условиях!

Он почти швырнул её за барную стойку, не очень-то заботясь о том, чтобы сейчас быть галантным.

В зале царил хаос. Люди визжали и кричали, хотя их чудовища не трогали. Целью стали боги, и с ними царила полная неразбериха. Кожу покалывало от схлестнувшейся в зале мощи.

Первыми Анубис заметил, конечно же, Сета и Сехмет. Оба с разрушительной и безжалостной силой. Сехмет держалась недалеко от Амона, тот сидел на полу у стены, держась руками за голову. В сознании, но на стене позади него остался кровавый развод: кто-то хорошенько приложил его затылком, и Амон съехал вниз.

Рядом с ним опустилась Персефона, нервно оглядываясь. Гадес стоял недалеко, одной рукой он сжимал кровоточащее плечо.

Сила богов буквально пульсировала в зале. Запах восточных благовоний смешивался с резким ароматом крови, перестук костей вторил разбиваемым столам, а песок шелестел, опалая жаром и неизбежностью. Чудовища не имели своего оттенка силы или оказались неотличимы от остальных.

Всё это Анубис увидел буквально за мгновение. Заметил, как одно из существ оказалось рядом с Гадесом, но вместо нападения Аид пригнулся, а стоящий спиной к его спине Сет резко повернулся и ударил тварь в шею. Анубис не мог видеть, чем именно, но судя по крови, стекающей по руке, осколком стекла.

Чудовище взвизгнуло и рассыпалось прахом, хотя Анубис не знал, означало ли это смерть. Гадес хотел подняться на ноги, но вместо этого покачнулся и оперся рукой о пол. Между его пальцами сочилась кровь, похоже, рана на плече оказалась серьёзнее, чем могло показаться.

Чудовища могут убить бога своего пантеона.

Анубис устремился туда. Он видел посеревшее лицо Гадеса, испуганного Сета, который что-то отрывисто сказал Нефтиде рядом. Та и сама уже помогала Гадесу.

Сила вихрилась вокруг Анубиса, царапала кожу косточками, хлестала бинтами, сдёрнутыми с мумий. Он не торопился её выпускать, не из-за плохого контроля, но и потому что не видел, по кому бить. Чудовища явно были не так просты, сила богов не то чтобы легко причиняла им вред.

Кронос. Их наверняка защищал и поддерживал Кронос.

Анубис не заметил тот момент, когда Сет схлестнулся ещё с одним чудовищем, которое, кажется, попыталось пробиться к Гадесу или Персефоне. Этот монстр был сильным, слишком сильным. Сет успел всадить ему в грудь, видимо, тот же осколок, но противник схватил его голову и резко дернул, ломая шею. Тут же возникли стремительные тени-псы, вцепившиеся в руки монстра.

Анубис помнил, что чудовище другого пантеона не может убить бога. Хорошо чувствовал, что божественная сущность Сета не пострадала, лишь его физическое тело. Анубис не знал, услышал или вообразил хруст ломаемой шеи, но вместе с этим сломалось и что-то внутри него самого.

Он выпустил собственную силу, направляя на оставшихся чудовищ, обращая их в пыль и прах. Чувствовал, что задел кого-то из богов, но сейчас это не имело значения. Он хотел уничтожить их, уничтожить всех. Густым смолистым запахом смерти, заклинаниями жрецов, написанными на сосудах для органов. Тленом и пылью некрополей.

Упав на колени, Анубис тяжело дышал, чувствуя, как вздущаяся сила опадает, отступает, оставляя пепел мёртвых чудовищ и раненых богов.

4

С крайне довольным видом Анубис устраивается на берегу, ложится на спину, закинув за голову руки. Амон смотрит на него неодобрительно:

– Ты только что нассал в мой священный пруд.

– Да расслабься! Отхватил себе такой храм.

– Не приbedняйся. Я видел, как тебе поклоняются в Хор-ди.

– Не мне, а образу.

Анубис легкомысленно относился к поклонению. Как и Амон, пусть вокруг них раскинулся в ночи храм Ипет-Сут. Над огромными колоннами, испещрёнными иероглифами, Анубис посмеялся.

– Смотри, – говорит он, указывая на небо. – Вот что лучше всяких храмов. Люди исчезают, боги застывают, мир меняется, даже пустыня. А звёзды будут светить всегда. Когда весь мир умрёт.

– Надеюсь до этого не дожить, – ворчит Амон. – И напомни никогда с тобой не купаться в одном месте.

Амон сидел на полу. Голова болела нестерпимо, и потребовалось время, чтобы понять, что происходит и где он находится.

– Амон, ты меня слышишь?

Он кивнул, не особенно вглядываясь в лицо Сехмет. От её нестерпимо сладких духов голова заболела сильнее, и Амон с трудом удержался, чтобы не вырваться из цепких рук, ошупывающих его затылок.

– Кровь уже не идёт, но получил ты крепко. Оставайся здесь.

Он помнил, как появились чудовища, сразу узнал их. Они без труда определяли в толпе богов, Амон не знал, так хорошо ощущали силу или действовали чуть ли не на запах.

Амон не успел среагировать. Его сила могла сжигать и испепелять, но его отбросили к стене, и он хорошо запомнил момент удара, когда затылком ударился о бетон и медленно сполз вниз. Кажется, он на несколько мгновений потерял сознание, в голове шумело, а перед глазами мельтешили тёмные пятна.

Затем всё стихло.

Амон понимал, что-то случилось, но никак не мог на этом сосредоточиться. Слышал голоса, шум, но уцепился за них, когда прозвучало его имя.

– ...Амон сейчас не в том состоянии.

Он стиснул виски руками и глубоко вздохнул. Быстрое восстановление сделает своё дело, будь он человеком, пришлось бы гораздо хуже. Сейчас нужно взять себя в руки.

Он – глава пантеона. Он – солнце, греющее и сжигающее.

Перед глазами прояснилось, и Амон встал, держась за стену. Заметил на ней кровавый след, оставленный им же.

Оглядевшись, Амон нашел Зевса. Тот в момент нападения сидел в глубине ВИП-зоны, напиваясь с кем-то из ацтекских богов.

Сейчас Зевс был непривычно нервным и растрёпанным. На скуле красовалась кровото-чащая царапина, но он не обращал внимания. Зевс выглядел персидским котом, который жил во дворце, где ему расчёсывали шерсть и сбрызгивали духами, а теперь выкинули на помойку, вынудив с головой нырять в мусорные баки.

– Он нас прощупывал! – зло прошипел Зевс.

Гадес сидел перед ним, привалившись к стене. Даже не бледный, а какой-то сероватый. Его руку наскоро перевязали, хотя на повязке, явно из куска юбки Персефоны, начинала проступать кровь. Сеф сидела рядом, обеспокоенно поддерживая Гадеса:

– Хочешь сказать, они не рассчитывали убивать?

– Вряд ли это было планом. Зачем нас убивать, если для этого есть Анубис.

Фразы проникали в сознание Амона, он замечал едкость в голосе Зевса, но всё это проходило мимо: он увидел лежащего Сета.

– Что с ним? – спросил Амон. – Где Неф и Анубис?

Он бы почувствовал, если кто-то из его пантеона умер. Но эти чудовища и не могли повлиять на божественную сущность.

– Сету сломали шею, – ответил Гадес. – Неф с Сехмет пошли за травами для ран. Анубис... где-то здесь. Он в порядке.

– В отличие от других богов, – зло бросил Зевс. – Его сила разметала чудовищ, от них пыль осталась. А заодно убила пару богов.

– Убила? – тупо повторил Амон и моргнул. – Анубис кого-то убил?

– Тебе перечислить поимённо? Не знаю, как успокоить ацтеков, пока они не решили устроить очередные кровавые жертвоприношения.

Мысль никак не хотела укладываться в голове и отдавала болью в висках. Амон посмотрел на мёртвое тело Сета, вспомнил стихийную, неуправляемую силу Анубиса и смог сложить все части в единую картину.

Оставив ненадолго Гадеса, Персефона поднялась, всматриваясь в Амона:

– Ты как?

– Нормально, – отмахнулся Амон. Снова глянул на лежащего Сета. – Он ведь вернётся?

– Конечно. Пострадало только тело.

Это пока, подумал Амон. Пока яд без зелья не начал действовать на сущность бога. Амон перевёл взгляд на Гадеса. Тот неловко придерживал раненую руку.

– Это сделал монстр нашего пантеона, – тихо сказала Персефона, перехватив взгляд. – Хорошо задел... но Сехмет перевязала рану.

– Хорошо. Мне нужно к Анубису. Где он?

Сеф неопределённо махнула в сторону:

– Он ни слова не произнёс.

В клубе царил хаос, но какой-то уж слишком тихий, спокойный. Амон шёл не торопясь, ещё не слишком доверяя ногам. Неоновые лучи света замерли, он ощущал их ласкающие прикосновения. Кто-то выключил музыку и догадался начать выталкивать ошарашенных людей, которые вряд ли поняли, что происходит. Мимолётно Амон подумал, что это ещё ему высказывают, как он не скрывает в соцсетях, что бог. Сколько людей сегодня успели сделать фото разрухи?

Вряд ли они осознали произошедшее. А вот боги – точно. Амон выхватывал их опустошённые, растерянные лица.

Анубис сидел у пустой барной стойки и тихонько напивался: он не стал мелочиться и искать бокал, а сразу взял бутылку без этикеток, где плескалась зеленоватая жидкость.

Половина. Интересно, сколько из этого успел выпить Анубис?

Устроившись рядом, Амон не знал, что сказать. Когда-то он часто бывал у Сета и Нефтиды. В отличие от других богов Амон знал, в чём была причина желать смерти брату и как это далось Сету, поэтому скорее уважал, что тот решился.

По крайней мере, хватило храбрости на то, что так и не сделал сам Амон: пригрозить, приказать Осирису, надавить, в конце концов.

В один из таких визитов Амон познакомился с Гадесом, а в другой встретил Анубиса. Конечно, видел принца мёртвых и до того, непокорную тень Осириса. С Сетом и Нефтидой

Анубис оказался совсем другим. Любопытным, открытым миру и не слишком противоположным солнечному Амону.

Тогда Анубис воспринимался луной, постоянно выглядывающей из-за облаков и стремящейся к миру людей.

Но сейчас он сидел воплощением холодной бездны.

– Анубис, – тихонько позвал Амон.

Тот не ответил, скользнул рассеянным взглядом, смотрел, но не видел.

– Анубис, ты пугаешь. Поговори со мной.

– Отстань. Я начинаю трезветь.

– Анубис! – В голосе Амона прорезалось отчаяние. – Прекрати. Пожалуйста.

Он даже не знал, что его пугало больше: тёмный лёд его слов или горькая усмешка, искажившая губы:

– Скольких я убил?

– Это же случайно вышло.

– Да? А ты часто убиваешь богов случайно? Я выпустил силу, хотел уничтожить чудовищ! После того как... как... – Он глубоко вздохнул. – Ты ведь понимаешь, что Сет не успеет вернуться? Яд убьёт его быстрее. Он зелье утром последний раз принимал, сейчас уже вечер.

Анубис явно хотел сказать что-то ещё, но замолчал. Прикрыл глаза и ещё пару раз глубоко вздохнул, но Амон видел, как крепко его руки вцепились в барную стойку.

– Инпу, – Амон запнулся. – Анубис...

– Можешь звать меня Инпу.

Милое «домашнее» имя, которое употребляли Сет и Нефтида. Может, раньше и Осирис.

– Я беспокоюсь за тебя, Инпу.

Анубис рассмеялся, хрипло, зло, царапающе. Упёрся локтями в стойку и запустил руки в волосы.

– Я не могу, просто не могу, – прошептал он прерывисто.

Амон растерялся. Он никогда не видел Анубиса таким – словно рассыпающимся на части. И не представлял, как себя вести и что делать. Амон не умел успокаивать, не умел врать, что всё будет хорошо. Он отлично мог двигаться дальше, сиять, несмотря ни на что.

Но может, именно это и нужно Анубису. Продолжать двигаться.

– Надо всё организовать, – сказал Амон. – Тут, в клубе, переместиться домой...

На миг ему показалось, Анубис даже не слушает, снова погружаясь в те глубины себя, где окружают мрак и мертвецы. Но потом он рассеянно кивнул, зажмурился и твёрже посмотрел на Амона:

– Сехмет ведь может перемещаться?

Амон кивнул.

– Отправь раненого Гадеса с Сеф туда. И Сета. Где моя мать?

– За травами пошла.

– Как вернётся, тоже отправь домой. Я помогу Зевсу тут, в клубе, и приду к вам. Не говори пока о Макарии.

Амон кивнул. Он знал, что Анубису, как и Сету, необходима цель, понятные действия, которые они могут контролировать. Сейчас Анубису совсем не нужно задумываться. Пусть займётся делом, иначе Амона пугал пустой взгляд, направленный вглубь даже не себя, а бездны, провалов на месте глаз мертвецов.

Амон вернулся к Зевсу и поднявшемуся на ноги Гадесу. Выглядел он уже не так паршиво, а повязка на руке была чистой, и Амон уловил тонкий запах трав.

– Его уже предлагают запереть, – сказал Зевс. И Амон понял, что речь об Анубисе. – Боги разозлились. Говорят, он опасен.

– Не опаснее любого другого, – твёрдо ответил Гадес. – Осирис не учил его обращаться с мертвецами, конечно, Анубису сложно сейчас. Ему нужно время. Сет сдерживал его стихийную силу. Оставался якорем.

– То есть без Сета у нас здесь бомба замедленного действия? Прекрасно!

Гадес вскинулся и дёрнул рукой, но возразить не успел, потому что сморщился от боли. Амон думал, Зевс привычно вспылит, но тот неожиданно мягко сказал:

– Остынь. Руку сначала залечи, а потом поговорим. Действовать сгоряча я не дам ни тебе, ни другим богам.

Амон понимал, что это будет проблемой. Анубис уничтожил чудовищ, богов задело случайно... но попробуй убедить в этом ацтеков с их своеобразными представлениями о правосудии. А запирать Анубиса нельзя, он тогда совсем контроль потеряет. Но как договориться с чужим пантеоном?

Пепел от мёртвых чудовищ не станет для ацтеков важнее пепла их мёртвых богов.

– Сехмет перенесёт всех домой, – сказал Амон, сосредоточиваясь на здесь и сейчас. – Анубис хотел тут помочь.

Зевс покачал головой:

– Пусть тоже уходит и не попадается сейчас на глаза ацтекам.

Амон судорожно пытался придумать, как же заставить Анубиса уйти домой и желательно без бутылки с той отравой. Гадес привалился к стене, рядом снова возникла Персефона, что-то шепчущая ему успокаивающе, но взгляд Гадеса не отрывался от лежавшего Сета. Теперь Амон заметил, что рядом с телом устроились псы, свернулись густыми тенями.

Обычно именно Сет и Гадес вытаскивали Анубиса из очередных передрыг, а зачастую и Амона. Ничего серьёзного, это даже доставляло удовольствие им всем, пока не становилось слишком опасным.

– Сехмет!

Она являлась на его зов. Приходила яростной войной, готовой испепелить по его приказу или по своей прихоти. Око бога солнца, его ручная львица, едва заметно склонявшая голову и в первый миг опускающая глаза. Сехмет признавала силу – и Амона.

– Перенеси их домой. И Неф. Мы с Анубисом вас догоним. Зевс, разберись здесь.

– Отвали, Амон, я сам знаю, что мне делать.

Зевс отмахнулся привычно, но беззлобно. Он и правда ушёл к богам, а Сехмет занялась делом, она одна из немногих богов, кто мог перемещаться без привычных способов передвижения. Она и Анубис, хотя второй не так часто использовал эти способности.

Амон оглянулся, пытаясь понять, что теперь делать ему самому и где Анубис. Голова болела, он ощущал себя ненужным и бесполезным. Впервые почувствовал это именно тогда, после истории с Осирисом, когда понял, что глава пантеона из него так себе.

Хотя Сет в присущей ему манере прямо заявил, что Амон говорит ерунду. А много позже они с Анубисом пошли гулять по ночному Карнаку, и где-то там, под звёздами, среди величественных колонн храма Ипет-Сут, Анубис сказал, что быть главой вовсе не значит не ошибаться или всегда быть правым.

– Я знаю, о чём говорю, уж поверь, – рассказывал тогда Анубис, рассматривая звёзды. – Главное, наслаждаться жизнью. И не стать таким занудным, как мой отец.

Анубис не хотел походить на Осириса. Амон его хорошо понимал, он и сам слишком любил жизнь и этот мир, искрящиеся, яркие, иногда чуть горчащие на губах.

Амон хорошо ощущал чужое настроение, и сейчас растерянность богов в зале постепенно уступала место злости. Осязаемой, плотной, от которой продолжала кружиться голова. А может, вовсе и не от неё, это удар о стену оказался слишком чувствительным.

Амона отчаянно мутило, и он опустился прямо на пол. Перед глазами всё раскачивалось.

– Амон? – Анубис оказался рядом. – Что с тобой?

Коснувшись затылка, Амон поморщился и с искренним удивлением увидел на пальцах кровь.

– Зажить уже должно.

– Миропорядок рассыпается из-за Кроноса. Может, поэтому раны заживают дольше. Или потому, что они от чудовищ.

Амон и Анубис переглянулись, одновременно подумав об одном и том же: как там раненый Гадес и успеет ли вернуться Сет или тоже займет больше времени. Анубис побледнел, его взгляд расфокусировался, и Амон испугался, он опять погрузится в себя.

– Инпу!

Тот рассеянно скользнул взглядом, и Амон невольно запаниковал, отчего голова разболелась сильнее, и его повело в сторону. Амон почти потерял сознание, когда почувствовал, что Анубис его подхватил.

– Эй-эй, Амон! Только не ты! Ты должен сиять, а не истекать кровью. Пожалуйста...

Последнее слово Анубис почти прошептал, и оно кольнуло Амона, заставило собраться и несколько раз глубоко вдохнуть. Затылок болел.

– Не рассыплюсь, – проворчал Амон. – Перенеси меня домой.

– Нет, Амон, я не уверен, что мне сейчас стоит.

– Прекрати. Ты уже делал это, много раз. Я тебе доверяю. Давай.

Анубис вздохнул, но всё-таки крепко сжал руку Амона, и тот зажмурился, позволяя тёмному вихрю подхватить и нести. На самом деле он терпеть не мог, как это происходило: Анубис использовал чужие смерти, скользил по ним до точки назначения, растворяясь между последними вздохами.

Мёртвые птицы на проезжей части, старик в одной из квартир, больница.

От скачков Амона тошнило, а чужие смерти оседали густой пеленой на волосах. Он ненавидел этот способ перемещения, но, по крайней мере, Анубис ушёл из клуба и не стремился возвращаться, поддерживая в туалете Амона, пока его выворачивало.

– Не уходи, – попросил Амон после. – Ты нужен здесь.

Анубис серьёзно кивнул. А прохладные пальцы Нефтиды занялись затылком Амона, пока она вполголоса ругалась на «неумелую Сехмет».

Некоторые полагали, Амон-Ра создал мир. Амон знал, что это чушь собачья.

Он понятия не имел, как появился мир, но сам точно не приложил к этому никаких усилий. Хотя был древним божеством, очень древним, но избежал участи многих старых богов, которые не умерли, но предпочли уснуть, превратиться в идолы и каменные изваяния, которых не разбудит даже Кронос. Просто однажды, вместе с концом мира, они рассыплются в прах и пыль.

Амон видел смены многих эпох и сделал выбор очень давно: он не хотел быть мудрым богом, совсем не жаждал быть грозным. Ему нравилось сиять и согревать, удивляться каждому новому дню, наблюдать, как меняются быстротечный мир и люди. Может, поэтому ему нравились Сет с Гадесом, с их похожей жаждой нового.

У них, правда, не было того желания, которое заставляло Амона двигаться, подолгу не оставаться на одном месте и даже не знать, где он окажется завтра. Одни и те же пейзажи быстро начинали угнетать, разливать тоску и ощущение бессмысленности жизни.

Поэтому они легко сошлись с Анубисом. Амон искал цельности, Анубис пытался сложить собственные кусочки воедино. И дороги легко расстилались перед ними.

Амон был одним из немногих, если не единственным, кто знал, что Анубис очень расстраивался из-за отношений с Гором. Братья по отцу, они почти не общались, принадлежащие разным мирам.

Амон радовался, что стал для кого-то таким братом.

В это утро он встал не с рассветом, а гораздо позже. Поднялся, с трудом понимая, что он в гостиной, а не в своей комнате.

– Проснулся? Ты как?

Амон задумался: голова слегка болела, но ничего особенного. Кивнув, Анубис куда-то ушёл.

Вчера Нефтида заявила, что Амон останется в общей гостиной, чтобы они заметили, если его регенерация так и не начнет работать. Но, похоже, он проснулся едва ли не последним: на кухне что-то шумело, слышались голоса.

Тело Сета лежало здесь же, в окружении тёмных псов, которые охраняли или попросту ждали, когда вернётся. Но пока этого не произошло, и Амон старался не смотреть на часы: время уходило.

Откинув тонкое одеяло, он поднялся, разминая мышцы. Затылок отозвался тупой болью, но ничего особенного, рана почти зажила.

Когда Амон впервые увидел огромные панорамные окна в квартире Сета, он пришёл в дикий восторг. Ещё бы! От пола до потолка! Днём в них щедро лился солнечный свет, а вечером они сияли городскими огнями и неонами, который Амону казался тёплым, отзывчивым. Он искренне удивлялся, когда кто-то называл этот свет холодным.

Сет тогда рассмеялся и сказал, что рад, если Амон за тысячи лет не разучился восторгаться. Амон смутился, хотя видел, что и Сету нравятся окна, он тоже любил простор.

Сейчас мёртвое тело Сета лежало за спиной, Амон же подошёл к окну, коснулся его ладонью. Позволил свету заполнять себя, проходить сквозь, запутываться в светлых волосах с рыжеватым оттенком. Погода стояла пасмурная, на стекле виднелось несколько капель, но солнце всё равно было там.

Оно всегда на небе.

Вернувшийся Анубис протянул Амону чашку, чем искренне удивил.

– Ты же говорил, что не умеешь кофе варить, – удивился Амон.

– Мне больше нравится, когда это делаешь ты.

Готовить Амон любил во все времена. Это занятие его успокаивало, да и приятно что-то творить – пусть и не мир, а только аккуратные солнечные блинчики.

Анубис уселся в кресло, обхватил колени и выглядел так, будто не спал всю ночь. Он ждал, когда вернётся Сет.

Нефтида вошла шорохом тканей и ароматом благовоний. С улыбкой, хоть и не очень весёлой, она осторожно коснулась плеча Амона.

– Вижу, тебе лучше.

– Необязательно для этого тыкать в меня пальцами, – проворчал Амон, отпивая кофе.

– Ты напугал вчера.

– Я в норме. Как Гадес?

– Они с Сеф на кухне. Его рана зажила бы гораздо быстрее, если бы он хоть немного поспал. Но они вместе с Инпу... ждали.

Нефтида тоже выглядела усталой, но предупредительно подняла руку:

– Ничего не говори. Пока я могу оставаться спокойной, но не готова обсуждать.

Кивнув, Амон спрятался за кружкой кофе. Тот отчаянно горчил.

– Не хочешь прогуляться? – Нефтида наклонилась ближе, так что Анубис не мог их услышать. – Уведи его отсюда, хотя бы ненадолго.

Амон кивнул, а Нефтида громко заявила Анубису, чтобы тот прошёлся с Амоном, которому нужна прогулка, «но не стоит одному».

Лондонский воздух вряд ли можно назвать свежим, но он действительно бодрит. Неприятно кольнул промытую накануне, но не до конца зажившую рану на затылке, но это не слиш-

ком тревожило Амона. Он потащил Анубиса в парк, по пути буквально впитывая солнечные лучи, проникавшие сквозь облака.

– А где Макария?

– Попросил пока уехать, – ответил Анубис. – Как думаешь... может, мне не стоит возвращаться?

С удивлением Амон посмотрел на него. Фыркнул:

– Не говори глупостей! Если ты волнуешься из-за тех мёртвых богов, то не стоит. Зевс всё уладит. – По крайней мере, Амону хотелось в это верить. А если Зевс не сможет, то вмешается сам Амон, в конце концов, он тоже глава пантеона. – Но меня беспокоит Апоп. Он проснулся. И если змей придет за мной... никто не убьет его, кроме Сета. Пока Сет не вернулся, может, мне самому не стоит подвергать других опасности?

Амон замялся, не зная, как сказать. Он думал об этом, и ему совсем не хотелось, чтобы остальные кинулись его защищать и пострадали.

– Думаешь, мы с ним не справимся? Амон, я тут пару богов случайно убил!

Анубис рассмеялся, но звучало в его смехе что-то нездоровое, лёгкий оттенок безумия. Он мог не говорить этого вслух, но его это мучило. Возможно, больше, чем самих ацтеков.

Анубис качнул головой в сторону кафе на другой стороне от парка.

– Я знаю, там отличный кофе навынос. Тебе взять?

– Ага. Капучино.

Проводив Анубиса взглядом, Амон пнул валявшиеся на земле листья и шевельнул пальцами, наводя тепло: совсем не подумал, что на улице холодно, и успел подмёрзнуть.

– Наконец ты один. Думала, принц мёртвых никогда не уйдет.

Амон уставился на подошедшую девушку: светленькая, в лёгком пальто и почему-то тёмных солнечных очках. Голос и облик казались незнакомыми, но вот ощущение... Амон понимал его.

Незнакомка сняла очки, показывая желтоватые глаза с вертикальным зрачком. Её облик как будто мерцал, и сквозь него проглядывало что-то дикое, первозданное. Змеиное.

– Апоп.

– Как я тебе?

– Хочешь убить меня?

Она вздохнула, возвращая очки на место:

– В убийстве тебя моё естественное стремление. Но я могу его контролировать. Пока Кронос не приказывает.

– А он может?

– Конечно. Но я не знаю, что за планы у Кроноса. Меня послал не он. Передай Персефоне, что её сестра хочет с ней поговорить. В Подземном мире, в их комнате. Это важно.

По крайней мере, точно не ловушка: Геката может проникнуть в Подземный мир, но никто больше. Даже Кронос. И уж точно не чудовища.

Апоп медлила. Вздохнула так, что в этом вздохе отражался тысячелетний сон:

– Мне кажется, если я тебя убью, то обрету цельность. Ты ведь тоже стремишься к цельности? Вдруг для этого тебе нужно всего лишь умереть?

Она явно не собиралась делать этого сейчас и зашагала прочь. Амон смотрел ей вслед, не зная, ему удивляться или недоумевать. Интересно, а чудовищам своего пантеона он приказывать не может?

Неясная, пока ещё не сформировавшаяся мысль появилась в мозгу Амона. Он старательно её обдумывал, когда Анубис сунул ему в руку стаканчик кофе.

– Это кто? – спросил он. – Одна из твоих пассий по «Тиндеру»?

– Не-а. Апоп.

Анубис поперхнулся кофе, ошеломлённо посмотрел на друга. И Амон видел, как невольно сжалась в кулак рука Анубиса.

– Она...

– Она странная, но не пыталась меня убить, если ты об этом.

Амон отпил кофе, пытаясь додумать мысль.

– Пошли!

– Куда?

– Домой! И побыстрее. Я знаю, как вернуть Сета. Может получится.

Кофе так и остался недопитым, они бросили стаканчики в ближайшую урну. Вопросов Анубис не задавал, а когда они вернулись в гостиную, Амону уже не терпелось попробовать.

Он приблизился к лежащему Сету, несколько псов подняли головы и недовольно заворчали, но Амон не обратил внимания.

Он позволил своей сущности и силе растечься по комнате, заполнить каждый кусочек пространства, коснуться замерших богов, поглотить мебель, стекать по стенам и окнам. Мягкий солнечный свет и тепло, способное как согреть, так и испепелить, иссушить, оставляя потрескавшуюся плоть.

Он всегда Амон-Ра.

Он всегда мог приказывать.

– Вернись.

Он тащил его божественную сущность, заставлял тело принять её, Амону казалось, почти получается, но потом что-то срывалось, и он пробовал снова.

– Вернись, Сет!

Амон ощутил, что сердце в лежащем перед ним теле снова начинает биться, но поверил, когда Сет сделал несколько судорожных вдохов, сел, ругаясь сквозь зубы и потирая шею. Анубис рядом рассмеялся открыто, искренне.

– Теперь можно и кофе сварить, – довольно заявил Амон, приглушая силу, позволяя ей снова сиять в нём самом.

5

Персефона слышит, как поют кости, скрытые под землёй.

Персефона видит, как прорастают цветы сквозь разлагающиеся трупы.

Персефона ощущает, как под кончиками пальцев возникают фиолетовые искры и складываются в ростки.

Персефона чувствует на губах вкус крови и терпких гранатов.

Персефона улавливает запах асфodelей и пыли, в которую со временем превращаются кости.

Она – начало и конец, жизнь, свёрнутая в коконе смерти.

Богиня весны и королева Подземного мира.

Персефона хорошо понимала Анубиса.

Те вещи, которые даже Гадесу сложно осознать. Он король Подземного мира слишком давно, фиолетовые искры и сумрачные поля стали его собственными плотью и костями. Гадес создал Подземный мир.

Персефона пришла позже. Гадес разделил своё царство с ней, в каждой смертной жизни она легко вспоминала прошлое и снова ступала босыми ступнями по лепесткам асфodelей, касалась руками пепельных камней и вслушивалась в негромкий шелест Стикса и Леты.

В этот раз всё иначе. Она вспомнила – но гораздо позже. Когда уже укоренилось восприятие Софи, девочки, которая видела богов, но всё ещё не могла поверить, что ей нужно думать вовсе не о поступлении в колледж.

Давным-давно Амон внезапно появился на пороге их дома и с восторгом начал рассказывать о фотографии. Впрочем, Амон неизменно говорил с бурными эмоциями. Персефона помнила, что одежда того времени ему не шла, зато он показал новое приобретение, фотоаппарат, и мультиэкспозицию, когда на одном кадре одновременно отпечатывалось несколько картинок.

Сейчас Персефона ощущала себя примерно как те зернистые кадры в сепии. Её память о прошедших тысячах лет вернулась в полном объёме, но вместе с нею осталось и восприятие девушки Софи, которая в обычной человеческой жизни встретила богов.

Чувствовать Подземный мир было... непросто.

Он окутывал туманом, ложился под ноги блестящими от росы цветами и приносил запах подгнивших лесных корней. Привычно и в то же время ново. Старые воспоминания вместе с абсолютно новыми ощущениями.

Сила Подземного мира не окутывала Сеф плащом, не вздымалась за спиной крыльями, она мягко вилась вдоль её вен на запястьях, обхватывала браслетами. Билась в такт человеческому сердцу. Персефона была тьмой и жизнью.

Она хорошо понимала Анубиса, на плечи которого внезапно лёг весь мир мертвецов. К счастью, рядом с Персефоновой стоял Аид, готовый ей помочь и поддержать.

Гадес оставался внимателен, что бы ни происходило вокруг. Каждый вечер неизменно приходил к ней, и они переплетались телами, как будто не могли насытиться друг другом. Они говорили и рассказывали, слушали друг друга и позволяли тьме и росткам жизни связывать их вместе.

Кроме той ночи после появления чудовищ.

Аид спокойно ожидал, когда вернётся Сет, но Персефона лучше многих знала, что появившись тогда в клубе сам Кронос, и Аид не задумываясь ответил бы ему.

Её беспокоило раненое плечо мужа, которое заживало гораздо хуже, чем должно. Это волновало, но не так сильно, как могло: судя по Амону, боги теперь восстанавливались медленнее. По крайней мере, от ран, нанесённых чудовищами.

Сехмет честно сказала: если бы её не оказалось в клубе, ещё неизвестно, чем бы в итоге окончилось ранение. Пусть и в плечо, но оказалась задета артерия. Смертное тело Гадеса могло истечь кровью, но божественная регенерация и быстрая перевязка Сехмет сделали своё дело.

Позже, дома, Нефтида ещё разок сменила повязку на ароматную, пахнущую луговыми травами и лесными ягодами. Персефона не сомневалась, это неплохо отвлекало Неф от происходящего.

Никого из них не удивила вспышка Анубиса в клубе. Особенно Персефону.

Она понимала, что дело в Сете. А ещё в мертвецах. Никто не рассказал Анубису, как справляться с миллионами душ, которые скребутся и шепчутся в каждом порыве ветра. Если бы у Сеф не было Гадеса, она бы не выдержала постоянного ощущения чужого присутствия, ответственности и почти физически ошутимого груза.

А ещё она лучше многих знала, что смерть Осириса не стала для Анубиса такой лёгкой, как он хотел показать. Она помнила разговор несколько жизней назад, когда они вдвоём пили пиво и жаловались на родителей.

Персефона возмущалась нежеланием матери – до сих пор! – смириться с тем, что Сеф самостоятельная, что у неё целый Подземный мир. Анубис вздыхал, что отец не воспринимал его всерьёз, хотел видеть собственную идеальную копию.

– Я знаю, что говорила Исида, когда думала, я не слышу, – делился Анубис. – Она называла меня странным. Я не соответствовал её представлениям о принце мёртвых. Отец тоже знает, как мне вести себя и что делать. А я не соответствую. Он любит меня, по-своему. Но мне кажется, я так и не стану тем, кем он хотел бы меня видеть.

– Неф и Сет не такие.

– Нет. Но я постоянно боюсь, что не оправдаю ещё и их ожиданий. – Анубис горько и слегка пьяно рассмеялся, развёл руками. – Ты же знаешь меня, Сеф! Как я могу хоть что-то ожидания оправдать?

Тогда Персефона с грустью подумала, что вряд ли она сама когда-либо была такой дочерью, которую хотела видеть её мать.

Сейчас, вспомнив себя, Персефона пока так и не осмелилась поговорить с Деметрой.

Зато встречи с сестрой избегать не стоило. Гадес, конечно же, заявил, что одна она с Гекатой встречаться не будет. Персефона не протестовала, знала, что бессмысленно. В итоге они все отправились в Подземный мир. Сету стоило хорошенько выспаться после возвращения, остальным тоже. Поэтому Гадес провёл всех сквозь дверь, а тут попросил Гипноса навести на них магический сон.

Персефона ждала в одной из комнат замка. Теперь Персефона помнила их все. Как сама покупала с Нефтидой картину с сельским пейзажем, которая сейчас висела на стене. Как однажды Анубис расколол статуэтку с каминной полки и боялся признаться. Или как Амон с Сетом напились и спали в обнимку здесь на диване.

– Мальчики такие мальчики, – хмыкнула тогда Нефтида.

Подземный мир льнул к Персефоне трёхглавым Цербером, устроившимся у ног, теплом от камина и фиолетовыми искрами, что вспыхивали в воздухе, стоило лишь захотеть.

Дверь негромко раскрылась, Гадес бесшумно прошёл по комнате и опустился в одно из кресел. Он выглядел измученным и уставшим, но Персефона уже взяла с него обещание, что после встречи с Гекатой он и сам поспит.

Поднявшись, Персефона скользнула к Гадесу, уселась на ручку кресла, прижалась к мужу с нераненой стороны. Его рука обвила её талию, Цербер завилял куцым хвостом и уселся у ног Аида.

– Представляешь, они все решили спать в одной комнате, – проворчал Гадес. – Уж не знаю, кто кого боялся оставить.

– Амон там?

– Да, конечно. Он сопротивлялся изо всех сил, но его голова ещё не прошла до конца. Емулезен магический сон Гипноса.

– Тебе тоже.

– Мы уже говорили. Когда они проснутся. Не стоит всем спать беспробудно.

Персефона знала, что имеет в виду Гадес: от сна Стива-Гипноса не так-то легко очнуться. Но он смог, пришёл тогда ей на помощь. Пришёл, когда она позвала, – как всегда приходил.

Устроившись поудобнее, Персефона положила голову на макушку Гадеса. Его мягкие волосы пахли шампунем из дома Сета и чем-то неуловимо призрачным, напоминавшим, что Гадес правит миром мертвецов.

– Я Зевсу звонил, – сказал Аид. – До того, как мы пошли сюда.

– Думаю, ему плевать, вернулся Сет или нет.

– Наверняка, но Зевс практичен и просчитывает, какие проблемы могут принести те или иные боги его пантеону.

– Анубис, – вздохнула Персефона. – Что сказал Зевс?

– Ацтеки требуют, чтобы Анубиса заперли. Пока он ещё кого-то не убил. То, что он и чудовищ уничтожил, которые на всех напали, они не вспоминают.

– А Зевс?

– Послал их к Амону. Заявил, что Анубис ему не подчиняется.

Персефона усмехнулась:

– Так вот с кем говорил Амон прямо перед проходом через врата? Кажется, он вспоминал весь богатый лексикон, который слышал у Сета.

Гадес хмыкнул, но Персефона понимала, что это действительно не очень весело и проблема, с которой Амону придётся столкнуться, когда они вернутся в мир.

– Как можно запереть того, кто может ходить между мирами? Перемещаться в пространстве!

– Дороги любят Анубиса, – негромко сказал Гадес. – Но мы оба знаем, на что он способен.

– Ты ведь не хочешь поддержать ацтеков?

– Что ты, Сеф, конечно, нет!

Когда Персефона впервые увидела Анубиса, тот был невыносим. Точнее, сначала он молчал, и Нефтида поделилась с Персефоновой, что в Дуате он общался только с местными ушебти и мысленно.

Потом он стал возражать всем и во всём, пока Сет не увёз его в пустыню. Они вернулись неделю спустя, и с тех пор Анубис бывал иногда несносным, но никогда – намеренно.

Персефона помнила, как удивилась его силе. Вот в чём она его не понимала: Сеф могла вырастить цветы на костях, укутать камни живыми листьями и превратить деревья в прах, сделать ростки тленом. Но её сила переливалась спокойно, всепоглощающе. Как у Гадеса. Как у Нефтиды и Амона.

Сила Анубиса была ближе к Сету: оба стихийные, резкие. Но Сет отлично контролировал это, а вот Анубис не умел. Персефона видела, как порой менялось лицо Нефтиды. А однажды, когда они сидели вечером на веранде замка в Подземном мире, Неф рассказала:

– Это моя вина. Когда Инпу был маленьким, его сила оставалась спокойной. Я решила... подумала, ему будет лучше остаться с Осирисом, среди близких мертвецов. Я ошиблась. Хорошо, Осирис все-таки позволил ему прийти в мир людей. Может, ещё не поздно.

С тех пор многое изменилось, Анубис неплохо контролировал свою силу, но последние события явно не пошли ему на пользу. Ацтеки этого не знали и не могли знать, неудивительно, что они требовали если не крови, то хотя бы возмездия.

– А что Апоп? – спросила Персефона. – Он не проберётся сюда? Она...

– Нет. В Подземный мир ни одно чудовище не влезет.

– И что ты думаешь?

– Об этой барышне? – Персефона не могла видеть, но ощущала улыбку Гадеса. – Мне плевать, что это за чудовище и какого оно пола, пока не нападает на Амона.

– Кронос может управлять монстрами.

– И это не очень хорошо. Пойдем, Геката уже здесь.

Это ощутила и сама Персефона. Что-то чужое, проникшее сквозь границы Подземного мира. Инородное. Она отпрянула от поднявшегося Гадеса, он повёл раненым плечом, как будто пробуя, и Персефона знала, он не хочет показывать слабость перед Гекатой.

Они вошли в комнату под руку, и Цербер шагнул с другой стороны от Аида.

Король и королева Подземного мира. Воплощённая смерть и торжествующая жизнь. Свет и тьма, плотно спаянные воедино. Фиолетовые искры собирались в короны у них в волосах, горели несколько мгновений в следах, где они ступали.

Геката не поднялась им навстречу. Она сидела в кресле и смотрела без высокомерия, без превосходства, спокойно. В тёмном струящемся платье, чёрные волосы заплетены в косы, её сила струилась рядом перегнившими ягодами и мхом.

– Рада видеть тебя, сестра.

– Здравствуй... сестра.

Геката захотела встретиться в «их» комнате, и Персефона сразу поняла, о чём речь. Небольшая, но уютная гостиная, меньше всего похожая на остальной замок: светлые обои с лесным мотивом, массивная мебель века из девятнадцатого у людей, тяжёлые покрывала и вышитая Деметрой картина на стене.

Когда Геката приходила в Подземный мир, в гости к Персефоне, она предпочитала именно эту комнату.

– Как Кронос? – поинтересовался Гадес, усевшись с Персефой в кресла. И кто-то другой вполне мог принять его голос за любезный. Таким интересуются о здоровье дальнего, но горячо любимого родственника.

Геката тонко улыбнулась:

– Хочет завоевать мир.

– Он столкнётся со сложностями.

– Конечно.

– Не боишься, что станешь не нужна?

– Я была бы дурой, если б не подготовилась к этому.

Геката не хвалилась, она констатировала факт, и в этот момент её тёмные глаза смотрели вовсе не на Гадеса, а на молчавшую Персефону. Она разбудила Кроноса, выступала на его стороне, но у неё имелись собственные мотивы.

– В заклинании, что стёрло мою память, тоже не сомневалась? – спросила Сеф.

Геката качнула головой, туман поглотил запах ягод.

– Я знала, что память может вернуться, но не хотела обнадёживать. Да и мать так проще убедить.

– И всё ради того, чтобы у Подземного мира не было королевы?

– Чтобы ты не лезла, пока ворота в Тартар не пали. Может, ты и сама не понимаешь, но я думала о твоей безопасности.

Персефона подалась вперёд:

– Не говори, что стёрла мне память ради защиты.

– Не буду, – не моргнув глазом ответила Геката. – Но можешь считать, из-за этого я сегодня здесь. Кронос не знает.

– Решила его сдать?

Внезапно Геката тоже подалась вперёд, Цербер угрожающе зарычал. Персефона почувствовала, как напрягся Гадес, но вмешиваться не стал.

– Я никогда не предаю, сестра.

Голос Гекаты походил на шипение змеи. Ее тёмные глаза неотрывно смотрели на Сеф. Если Нефтида походила на царственную, но стремительную в нужный момент кобру, то Геката была гадюкой, юркой, опасной и порой прикидывающейся ужом.

Персефона не обманывалась. Она знала, что её сестра, повелевающая колдовством, не так проста.

Персефона сказала негромко, позволяя Подземному миру течь в её голосе:

– Ты предала богов.

– Я не предавала тебя.

Геката откинулась на спинку кресла, снова превращаясь в маленькую змейку, что греется на солнце.

– Кронос повелевает чудовищами. Они подчиняются ему.

– Скажи то, чего мы не знаем, – холодно сказал Гадес.

– Кроноса поддержал скандинавский пантеон.

С трудом удержавшись, чтобы не сказать что-то из лексикона Сета, Персефона ощутила, что и у Гадеса примерно те же чувства. Она спросила:

– Зачем?

Геката ответила прямо:

– Они хотят власти над другими пантеонами и поставили на победителя. Считают, что у богов не будет шансов. Хотя Один до последнего будет выжидать и не станет вмешиваться, а остальные против него не пойдут.

– У них тоже рычаги воздействия на Кроноса?

– Достаточно того, что они не против него. Кронос не планирует уничтожить всех, только склонить и править. Убить он жаждет сыновей. Очень расстроился, что Посейдон уже мёртв.

Гадес никак не отреагировал на слова.

– Поэтому я пришла, – продолжила Геката, и взгляд её чёрных глаз остановился на Персефоне. – Будь осторожна, сестра. Кронос хочет не просто убить сыновей, но причинить им как можно больше боли. Сколько у него уйдёт времени выяснить болевые точки?

Гадес зарычал не хуже Цербера, глухо, предупреждающе:

– Ты сказала достаточно. Если нечего добавить, убирайся.

– Как пожелает король!

На этот раз в голосе Гекаты прозвучала отчётливая насмешка. Вокруг неё взметнулись тени, подхватили лёгкую ткань платья, крутанулись смерчем, и Геката исчезла. Но Персефона видела, что сестра не сводила с неё взгляда.

Вздохнув, Гадес прикрыл глаза:

– У нас прибавилось проблем. Ровно на один пантеон. Извини, Сеф, сон откладывается, для начала я должен рассказать Зевсу.

Персефона рассеянно кивнула. Она видела в клубе, сколько хаоса могут принести несколько чудовищ, и не представляла, что делать, если их придёт больше. Но что предпринять с целым пантеоном, она даже не представляла. Они знали, как нападать, им известны слабые места. И неужели боги будут бороться против других богов?

– Аид, поговори с братом. Зевс должен собрать всех против Кроноса.

Гадес кивнул. Открыл глаза.

– Да.

6

На её ресницах мерцают искры-блётки, которые щедро усыпают лицо вместе с плечами. Она смеётся, блётки опадают на пол. В рыжих волосах запутались цветные конфетти, и пальцы Аида ловко вытаскивают цветные кружочки бумаги.

На заднем плане играет музыка, слышно равномерное «бум-бум-бум».

Она представила его друзьям как своего парня. А он не стал говорить подвыпившим студентам, что их связывают тысячелетия. Он – Аид, владыка царства мёртвых, а их сокурсница, которая в этой жизни решила доучиться и получить диплом, – Персефона.

Стряхнув блётки, они рука об руку шагнут в Подземный мир. В аромате магнолий. В шелесте костей. В собственном величии.

Но сейчас они – молодой мужчина и девушка в квартире её друзей на шумной студенческой вечеринке. Он приближается, ощущает под ладонями её тело. Персефона улыбается, пальцы цепляются за шторку на ванне.

– Аид, здесь же полно народу, вдруг кто зайдет.

Он легко подхватывает её, ставит в ванну. Забирается следом и задёргивает шторку.

– Никто не увидит.

Когда он целует, то чувствует, как блётки с её ресниц падают на его кожу.

Сет сидел в полумраке на кухне, не включая яркий свет, и, кажется, совсем не удивился Гадесу. Проследил взглядом, когда тот начал искать чай. Слишком внимательно. Ещё Сет курил.

Налив ароматного чая, который остро пах чабрецом, Гадес уселся напротив и осторожно спросил:

– Тебя беспокоит Анубис?

– Дурень, меня беспокоишь ты. – Сет бесцеремонно ткнул рукой с зажатой сигаретой в направлении плеча Гадеса. – Ты рассказывал Сеф, как оно болит?

– Откуда ты... ты не знал.

– Нет. Ты только что подтвердил.

Прищурившись, Сет наклонился к Гадесу. Тот видел подобное выражение лица, когда Сет перерезал горло врагам, воплощение древних хаоса и ярости.

– Стоит ли напоминать, Аид, что это я здесь во всё влезаю и нарываюсь? А ты у нас разумный.

– Я учусь у лучших.

Гадес дёрнул плечом: несильно, стараясь не тревожить рану. Она действительно побаливала, даже сон в Подземном мире, пусть и совсем не магический, не очень помог. Но Гадес чувствовал себя хотя бы отдохнувшим.

Псы Сета заворчали откуда-то из-под стола, почуяв появление Цербера. Тот их высокомерно проигнорировал, уселся рядом с Гадесом, положив морду на колени хозяину. Гадес провёл по ней рукой. Он бы предпочёл, чтобы Цербер остался в Подземном мире с Персефой, которая занималась делами, но там ей ничего не грозит. Оставлять Гадеса пёс не хотел.

– Кронос одним своим присутствием разрушает привычные законы мира, – сказал Гадес и попробовал чай. – Это влияет и на то, как быстро мы восстанавливаемся.

– Амон тоже до сих пор мучается от головной боли.

– Но сумел тебя вернуть.

Сет кивнул:

– Насколько я знаю, никто из глав пантеонов такого не проделывал. Никто даже не знал, что это возможно.

– Амон далеко не слабый.

– А я очень хотел вернуться, – согласился Сет. – Догадывался, что вы тут без меня творите.

– Мы хотя бы не умирали.

– Ладно, один-ноль в твою пользу.

Сет стряхнул пепел прямо в чашку, из которой уже выпил чай. Нефтида за такое убила бы, но её тут не было.

– Говорил с Зевсом? – спросил Сет.

– Собираюсь к нему.

Телефон, лежавший на столе, завибрировал, Сет ткнул в экран и нахмурился, прочитав сообщение. Что-то быстро ответил и посмотрел на Гадеса:

– Задержись. Это Инпу, и он очень хочет застать тебя.

Гадес не представлял, зачем мог понадобиться. Если будет опаздывать, Анубис сможет быстренько его перенести. В отличие от Амона, Гадес не испытывал неприятных ощущений от скольжения по чужим смертям, которые использовал Анубис.

К тому же если Гадес мог помочь, то хотел этого.

– Анубис справится с миром мёртвых.

– Ага, – ответил Сет и достал новую сигарету. – Ты знаешь, мой брат не очень понимал, что делать с живыми. И с богами тоже. И с сыновьями. Гором занималась Исида, но Анубиса она не любила. Может, потому что он не с такой готовностью слушал и слушался.

Гадес встречался с Исидой, но так и не смог понять эту женщину. Она умела быть мягкой и приветливой, но в то же время жёсткой, бескомпромиссной. Однажды она решила, что может стать главой пантеона вместо Амона. До решительных действий так и не дошло, но после этого Гадес понял, почему Сет старается не связываться с Исидой.

– Осирис решил, что всё произойдёт само собой, – продолжал Сет. – Однажды Анубис научится владеть силой. У нас ушло много времени, но он правда смог. Но Осирис ни разу не подготовил к тому, что придётся править Дуатом. И с этим не смогу помочь ни я, ни ты, ни кто-либо ещё. Осирис не счёл нужным чему-то научить. А сейчас... не слишком хорошее время для учёбы.

Снова используя чашку вместо пепельницы, Сет затушил в ней сигарету и поморщился:

– Не могу больше курить. Ты с Зевсом в клубе встречаешься? Я с тобой.

Гадес кивнул. Он знал, что, как бы ни настаивали на своём ацтекские боги, Сет не даст запереть Анубиса. Даже если бы Амон ему приказал. А значит, Гадес поддержит Сета. В любом случае.

Они клялись друг другу однажды. Давным-давно, в диком, первозданном обряде, мешая свою кровь. Гадес не понимал подобных ритуалов, но тогда проникся даже он. Посреди пустыни и поющих песков, под оглушительно сияющим звёздным небом, когда на лицах мерцали отсветы костра.

Они клялись прикрывать друг другу спины.

И за тысячи лет мало что изменилось.

Цербер заворчал, и Гадес заметил, что один из псов Сета играет с аккуратным хвостиком добермана. Теневая собака казалась совсем тонкой и маленькой на фоне мощного Цербера, но ничуть его не боялась.

Сет повёл плечами, как будто разминая их, готовясь сорваться с места и пойти против врагов. Не важно, люди это, боги, чудовища или Кронос. Рядом с другом и Гадес ощущал себя спокойнее: что бы ни происходило, он не сомневался, что оставалось в этом мире что-то прочное и нерушимое.

– Вы опять тут всё провоняли!

В дверях стоял Амон. Влажные волосы топорщились после душа и казались темнее, чем обычно. Он морщился из-за сигаретного дыма, и Гадес невозмутимо сказал, кивая на Сета:

– Это всё он.

– Ай-яй, – покачал головой Амон. – А потом ругаешься на Анубиса.

– Мне можно.

– Лучше окно открой! Дышать невозможно.

Какими бы божественными силами они ни обладали, но проветривание и избавление от табачного запаха в них точно не входило. Амон залез в холодильник, не нашёл ничего интересного и тоже налил себе чай. Посмотрел на Гадеса:

– Думал, ты ещё в Подземном мире.

– Там Сеф осталась.

– Как она? Полностью стала Персефоной?

– Привыкает.

Гадес сам не мог бы сказать, как сейчас ощущает себя Персефона, но это была она, целиком и полностью она. Он старался не мешать ей, но не уходил далеко.

– Если Зевс будет обо мне спрашивать, скажи, что я умер, – заявил Амон. – Мне хватает ацтеков с их претензиями.

– Они настойчивы?

– Ещё как! Мне это не нравится. Если скандинавы действительно за Кроноса, то сейчас совсем не время терять ацтеков на своей стороне. Но нельзя Анубиса закрывать, он не сможет взапери. И он же убил этих чудовищ! С которыми, кстати, никто совладать не мог.

– Амон, ты душка, – улыбнулся Сет. – Когда ни во что не влипаешь.

– И это говоришь ты? Да тебя надо внести в божественную книгу рекордов! Как бога, который больше всего раз умудрился чуть не помереть насовсем.

– Ты можешь поставить другой рекорд. Единственный бог, который занялся сексом с чудовищем.

– Не начинай! – Амон застонал.

Но Сет даже не собирался заканчивать. Он положил голову на сцепленные ладони, видимо решив, что так кажется более милым:

– Ну, раз уж Апоп сейчас женщина, почему бы и нет? Покажите пример! Займитесь любовью, а не войной и всё такое.

Амон закатил глаза, но счёл за лучшее промолчать и не провоцировать. Гадес старательно прятал улыбку за чашкой. Он не знал, как относиться к тому, что не все чудовища, оказывается, создания хаоса, стремящиеся к уничтожению. И у них может быть собственная воля.

Хотя Гадес предпочел бы не полагаться на здравый смысл монстра. И чтобы Амон всё-таки не встречался с этой... барышней в одиночестве.

Сет вскинул голову, услышал входную дверь или что-то ощутил. Гадес ничего не заметил, но поверил, когда Сет сказал:

– Это Анубис. И он пришёл не один.

На кухне первым появился именно он. Среди привычного полумрака и хрома кухни Анубис казался потрёпанным. Он огляделся с растерянностью, нашёл взглядом Гадеса и кивнул ему. Молча уселся на свободное место, когда на кухню наконец-то вошёл тот, кого он привёл.

Внимание Гадеса полностью переключилось.

Невысокая темноволосая девушка. Она переминалась с ноги на ногу, сцепив руки перед собой. Её осторожный внимательный взгляд не отрывался от Гадеса.

– Это Луиза, – прокашлявшись, сказал Анубис. – Предпочитает, чтобы её звали так, а не Макарией.

Амон поперхнулся чаем, а Сет улыбнулся:

– Возвращение блудной дочери.

– Сет, если ты сейчас не заткнёшься, я тебя ударю, – мрачно пообещал Гадес. Хотя на самом деле порадовался, что обстановка немного разрядилась.

– Садись. – Амон кивнул на свободное место рядом с собой. – Будешь чай?

Гадес не видел дочь сотни лет. И сейчас попросту терялся, не зная, что сказать. Он искал её, но безуспешно, Макария ушла сама и не желала, чтобы её находили. Но теперь сидела здесь, на кухне Сета.

– Геката стёрла ей память, но та начала возвращаться после освобождения Кроноса, – пояснил Анубис. – А мы с Луизой встретились случайно.

В случайности Гадес не особенно верил. Зато знал, что нет ничего удивительного, если смерть притягивается к смерти – и точно так же никогда не могут быть вместе. Слишком приблизившись, начинают отталкиваться, подобно одинаковым полюсам магнита.

Сейчас Луиза казалась... обычной. Гадес мог ощутить в ней отголоски силы, но исключительно из-за того, что она походила на его собственную.

– Как много ты помнишь? – осторожно спросил он.

– Почти всё.

Что-то изменилось, неуловимо, почти незаметно, но Гадес почувствовал густой запах мирры. Покосился на Анубиса и увидел, как тот побледнел, повёл головой, как будто прислушивался к чему-то, недоступному остальным. Без единого слова поднялся и вышел. Сет проследил за ним встревоженным взглядом, тоже встал и почти за шкирку прихватил с собой Амона.

Гадес и Макария остались одни.

– Ты хотела чаю? – скованно произнёс Гадес.

Она кивнула, что дало ему немного времени собраться с мыслями. Пока наливал ароматный напиток, шуршал в шкафу печеньем. Макария держала дистанцию, Гадес и сам терялся, как с ней общаться.

Вернувшись за стол, он не нашёл ничего лучшего, чем спросить:

– Почему ты ушла?

– Потому что я так хотела. Потому что блаженной смерти лучше быть среди людей. А мне не место в Подземном мире.

Благодаря Зевсу у Гадеса было много племянников и племянниц. Очень много. С большинством из них он не общался, кое с кем поддерживал тёплые отношения. Он больше воспринимал как племянника Анубиса, который периодически крутился рядом, нежели кого-то из многочисленных детей Зевса.

Но Макария... его дочь. И всё же, смотря на неё, Гадес не видел себя. Не мог разглядеть Подземный мир. Возможно, попросту не хотел, потому что Макария рождена не Персефоной.

Хотя сама Сеф относилась к Макарии очень ровно и с теплом. Они даже чем-то походили друг на друга, в силе, близкой одновременно и к смерти, и к жизни.

– Но ты пришла. Сейчас.

Она опустила голову, смутившись.

– Ну... в последнее время случалось много странного. Я не понимала, что происходит. Не знала, кто я. Пока не начала вспоминать. И тогда поняла, кто такой Анубис. Пришла к вам, потому что... не понимаю, что творится.

– Да, – кивнул Гадес, почувствовав себя свободнее. – Я расскажу тебе.

Клуб бурлил и кипел жизнью, как будто ничего не произошло. Как будто несколько дней назад здесь не появились древние разбуженные чудовища. Как будто в местные стены не впитались отголоски богов, уничтоженных силой Анубиса.

О последнем Гадес точно не стал бы напоминать другу. Но и не успел, Сет унёсся с кем-то ругаться, бросив напоследок:

– Если Зевс будет совсем невыносим, можешь выпить в баре за счёт клуба.

Гадеса не очень тянуло к алкоголю, так что он отправился на встречу с братом. Непонятно, это Зевс выпросил себе «кабинет» или Сет сам ему отдал одну из небольших служебных комнат. Сейчас тут расположилось несколько диванов и стол, заваленный бумагами. На краешке примостилась тарелка с ужином, явно остывшим и нетронутым.

Зевс сидел на диване, внимательно читая документ. Судя по тому, что его идеальная причёска порядком растрепалась, а рукава рубашки были закатаны, сидел он давно.

– Теперь хоть на человека похож, – хмыкнул Гадес.

Зевс глянул на него с недоумением, нахмурился.

– Тебя можно поздравить? – спросил Гадес.

– Если ты о том, что это стадо баранов признало, что я могу их объединить, то да.

– Вряд ли это было просто.

– Вряд ли у них был выбор. Кали пыталась возразить, так что пришлось хорошенько потряхнуть её молниями. Дикая божества! Двадцать первый век, а они всё ещё уважают право сильного.

– Как хорошо, что ты можешь о нём напомнить.

– Набрался язвительности у Сета?

Не ответив, Гадес уселся на диван, мельком глянув на рассыпанные на столе листы. Куда больше заинтересовала стена рядом с Зевсом с большой магнитной доской, где маркером написаны слова на нескольких языках, многочисленные стрелки и указатели пересекались. Гадес узнал имена некоторых богов.

– В чём план?

– О, ты готов предложить план? – проворчал Зевс. – Смотрю, что у нас есть. Все пантеоны ответили, они с нами. Кроме скандинавов, те упорно молчат, а посылать к ним кого-то я не хочу.

– Когда это тебя стали волновать случайные жертвы?

– Ещё одной ошибки мне не простят.

– Ацтеки?

– Упрямятся.

Аккуратно положив листок на стол, Зевс в упор посмотрел на Гадеса:

– Я их понимаю. Пока что Анубис убил больше богов, чем чудовища.

– Что же не отдал его?

– Без его силы чудовища могли убить тебя, меня или ещё кого-то. К тому же это дело Амона, пусть сам разбирается. Мне хватает головной боли.

– Перекинул.

Зевс не счёл нужным даже изобразить смущение:

– Да. Ацтеки очень мощные и неуправляемые. Они нам нужны. Но я знаю, что ты в любом случае поддержишь Сета и Анубиса. А выбирать между вами я не хочу.

Не желая продолжать тему, Зевс придвинул к себе тарелку и потыкал вилкой давно застывшую массу. Гадес не мог предположить, чем это было, когда ещё походило на еду. На местной кухне явно не хватало Амона.

– Как твоя рука? – спросил Зевс. По интонациям сложно было понять, его правда интересовало или он спросил из вежливости.

– Болит, но бодро заживает.

– Хорошо.

Оставив попытки найти что-то съедобное на тарелке, Зевс бросил вилку и откинулся на диване, вытягивая ноги.

– Думаю, Кронос захочет больше силы, – заявил Зевс. – Я прощупал его, когда он заходил. Нечётко, но он куда слабее, чем хочет казаться. Поэтому ему нужны чудовища и скандинавы.

– Геката сказала, он захочет навредить нашим близким...

– В духе отца, – фыркнул Зевс. – Так что следи за Персефоной и своими друзьями. Хотя они и без Кроноса отлично справляются.

– А ты?..

– Если Кронос решит прибить Геру, не расстроюсь. Не говорил с ней с тех пор, как Таргар пал. Никогда не прощу, что она выдала ключ.

Гадес достаточно хорошо знал брата и мог легко понять, что злится он не столько на жену, сколько на себя, что доверился ей, рассказал о том, что не знал никто из богов. Не смог предусмотреть, рассчитать, что-то вышло из-под контроля.

Чтобы сломить Зевса, Кроносу вовсе не придётся кого-то убивать. Достаточно, чтобы всё развалилось. Чтобы Зевс не справился.

– Я прекрасно знаю, что к некоторым из детей ты относишься действительно хорошо, – негромко сказал Гадес.

На его взгляд, Кронос мог воспользоваться и этим, но Зевс улыбнулся:

– Ты решил обсудить моих детей? Боюсь показаться нескромным, но разговор может затянуться.

– Иногда ты невыносим.

– Тебе не рассказывали, что братья похожи?

Гадес вздохнул и отвёл глаза, снова утыкаясь взглядом в доску. Если долго всматриваться, он даже начинал понимать систему, кто с кем связан, и что за линии. Наверное, стоит рассказать о Макарии.

Проследив за его взглядом, Зевс улыбнулся ещё шире:

– Я хочу понять, где он может достать силу. И перекрыть доступ. Теперь мы знаем чудовищ и будем готовы к нападению, так что больше застать врасплох не выйдет. Индуистский пантеон любезно поделился способами защиты, они-то знают толк в демонах. Скандинавы... я знаю Одина. Будет выжидать до последнего, но попытается избежать открытого противостояния.

Конечно, было бы проще, узнай они, где прячется Кронос. Но когда на его стороне Геката, это невозможно: она легко укроет тенями. Она тоже могла перемещаться в пространстве. Как и Кронос.

Он был самым временем. Той же плотью, что в основании мира.

Может быть, тысячи лет заточения и ослабили его, но он восстановится. Невольно в памяти Гадеса всплыли картины прошлого. Холод каменных сводов, постоянный, пронизывающий лёд, вымораживающий внутренности. И тьма, густая, почти осязаемая.

Кронос слишком боялся детей и запер их, надеясь, что они сдохнут или лишатся разума, превратившись в первозданных духов, наделённых одними инстинктами.

Может, когда-то те духи, что сейчас стали псами Сета, были запертыми богами, но сошли с ума.

Гадес почти не помнил, да и не хотел помнить. Только тепло тел младших братьев, как он согревал их собственным дыханием и говорил с ними, чтобы не забыть о том, кто они такие.

И точно Гадес не забудет, как яростно Зевс шептал: «Мы отсюда выберемся!». Тогда у него получилось. Таким Зевса не знал никто из нынешних богов, но Гадес помнил дрожащего, но решительного брата. Он действительно смог сбежать, а потом вернулся за ними и поднял богов против отца.

Дверь распахнулась, громко хлопнув о стену, и Зевс выпрямился на диване, с возмущением глядя на вошедшего. Уже открыл рот, чтобы высказать всё, что думает по поводу подобного вторжения.

Но это был Сет. И он плевать хотел на мнение Зевса.

По выражению его лица Гадес сразу понял: что-то не так. Сет решительно подошёл, не отнимая от уха телефонную трубку. Посмотрел на Гадеса:

– Это Амон. Инпу плохо, и он что-то говорит о мертвецах. Чужих мертвецах.

Даже без включенной на телефоне громкой связи Гадес услышал вопль боли. Сет в этот момент выглядел готовым в тот же миг сорваться и нестись домой, но через мгновение его собственный взгляд остекленел. Гадес ощутил всколыхнувшуюся, промозглую силу Осириса, часть которой всё еще оставалась у Сета.

Гадес перехватил недоуменный взгляд Зевса, но потом ему стало ни до чего. Он сам согнулся, захрипев от боли, и понял, о чем говорил Анубис.

Сквозь Гадеса проходили мертвецы, сотни и тысячи мертвецов, но они не были его. Чужие мертвецы, которые устремились в Подземный мир. Наверное, это разрывало бы болью, но Гадес ощущал поддержку Персефоны, её мягкую силу, пахнущую цветами и землёй. Успокаивающую, сглаживающую острые кости, царапающие изнутри чужими мертвецами.

Когда воздух перед ней сгустился, Хель подняла голову. Никто не смог бы пройти сквозь новую защиту. Никто, кроме её брата. Они притягивались друг к другу – несмотря ни на что.

Ёрмунганд был высоким и тонким. Его лицо выражало сочувствие.

– Не так я думал снова встретиться с тобой, сестра.

Трое детей, которые в собственном пантеоне считались слишком близкими к чудовищам. Неуправляемые, тёмные. Другие боги их не понимали.

Ёрмунганд был единственным, кого признали монстром. Его погрузили в сон, и это стало последней каплей, после которой Хель и Фенрир возненавидели тот пантеон, к которому принадлежали.

Ёрм был самым спокойным из них троих. Умиротворённым.

И самым сильным.

Хель поднялась на ноги:

– Знала, что за мной придут. Но не думала, что это будешь ты.

Он мог бы пожать плечами или приподнять брови, но это слишком человеческие жесты для того, кто лишь учился быть человеком. Его облик на секунду дрогнул, оставляя змеиную чешую, движущееся гибкое тело.

– Он хочет, чтобы ты умерла, – прошелестел голос Ёрмунганда. – Я сказал, что могу это сделать. Лучше я, чем кто-то другой.

– Хорошо. Но не дай ему мою силу. Позволь мне направить мертвецов не к Кроносу, а к другим богам смерти.

– Не сомневался, что ты поймёшь, как использовать последние мгновения.

Хель не знала, откуда у Ёрмунганда хотя бы одна эмоция, но сейчас он был сочувствием. Терпким, прощающим, последним. Подошёл ближе к Хель, коснулся губами её лба. Вокруг замерцали сегменты огромного змеиного тела, постоянно шевелящиеся.

– Прощай, сестра.

– Прощай, брат.

Когда что-то острое вспарывало её грудную клетку, вгрызалось в сердце и божественную сущность, Хель в последнем порыве отправила всех мертвецов из собственного рушащегося царства в другие пантеоны. Богам смерти будет неприятно, но они справятся, а вот Кронос силы не получит.

Хель улыбнулась под сочувствующим взглядом Ёрмунганда и рассыпалась костями и пылью.

7

Персефона находит Аида сидящим за столом. Его вид такой мрачный, какой только может быть у бога смерти.

– Что случилось?

В голове Персефоны проносятся с десяток вариантов, один другого хуже. Но Аид веско говорит:

– Амон не разрешил есть пирожки, пока все не соберутся.

Персефона переводит взгляд на стол, где стоит накрытое тканью блюдо.

– О боги! – закатывает глаза Персефона.

Аид остаётся мрачен:

– Боги. Все. Где их носит, чтобы мы уже могли поесть?

– Поверить не могу, что я тут.

– Не ворчи, Сеф. Ты картошку будешь или нет?

Она кивнула, больше по инерции, нежели задумываясь, хочет ли она картошку фри. Девушка в красной кепке с жёлтой узнаваемой «М» что-то пробила по кассе, и Анубис приложил карту Сета, списывая нужную сумму.

– Спасибо за заказ!

Не успели они отойти, как девушка звонко объявила «свободную кассу». Подхватив поднос, Анубис уселся за столик, где устроились Амон, Персефона и Луиза.

– Ты правда будешь это есть? – уточнила Персефона.

Вместо ответа Анубис раскрыл шуршащую упаковку чизбургера и невозмутимо откусил приличный кусок. Луиза взяла кофе, Амон с интересом раскрывал «Хэппи мил». Первым делом полез посмотреть игрушку, но на лице солнечного бога отразилось разочарование. Он показал пластиковую фигурку Бэтмена:

– Ну вот, у меня такой есть.

– У меня нет, – заявил Анубис, перехватывая игрушку. – Симпатичный.

– Эй!

– Да ладно, ты всё равно Людей Икс любишь. Жди, пока они появятся.

С видом оскорблённой невинности Амон принялся нарочито громко открывать салат и долго мешать его с соусом, с укоризной поглядывая на Анубиса. Но тот не менее старательно игнорировал и жевал чизбургер.

Персефона открыла ещё горячую картошку и соус, стараясь даже не думать, что там в составе. Деметра морщила нос и говорила, что синтетическая продукция нынче в моде. После этого она обычно уходила в оранжерею, поливать аккуратные и пышущие зеленью горшки.

Обретя память, Персефона в полной мере осознала, что Деметра хорошо помнила предыдущие столетия, когда на столах людей была натуральная пища или её не было вовсе. «Свободная касса» явно не в стиле Деметры.

Софи не любила фастфуд. Вернув память, она не очень-то изменила мнение. Для неё пища, в составе которой слишком много химии, оставалась... мёртвой. Она подходила для утоления голода, но Персефона совсем её не чувствовала.

– Это отвратительно, – вздохнула она и закрыла соус, решив ограничиться картошкой.

Анубис пробормотал что-то невнятное, Амон заявил:

– Не говори с набитым ртом!

Персефона не смогла понять, что ответил Анубис, но, судя по интонации, что-то очень возмущённое. Амон щёлкнул пальцами, отправляя в Анубиса кусок упаковки из-под игрушки.

– Они всегда такие? – спросила Луиза.

Персефона хмыкнула и кивнула. Сейчас Анубис походил на обычного подростка, может, со слишком большим количеством пирсинга на лице, но ничуть не древним богом – силу он сдерживал.

В отличие от него Амон, наоборот, наслаждался лучами солнца, падавшими через окно. Персефона давно заметила, что Амон не осознавал этого, но старался сидеть на солнце. И лучи очерчивали его фигуру, запутывались в светлых волосах, заставляли светиться его самого.

Рядом с Амоном тепло. От Анубиса при всём его характере веяло одновременно надёжностью и дорогами. Оба бога отлично уравнивали друг друга, по крайней мере, пока не пытались спорить из-за фигурки Бэтмена.

– Ты доедать будешь? – Анубис, уже успевший расправиться с чизбургером, ткнул пальцем в картошку Амона.

– Нет. Она невкусная. И ты не купил мне яблочные дольки.

– Ой, не занудничай! Ну, невозможно постоянно есть твои блинчики. Иногда хочется и какой-нибудь гадости.

– Надеюсь, это признание, что моя готовка не гадость.

– Ты знаешь, я люблю, как ты готовишь.

Великодушный вздох Амона, по всей видимости, должен был свидетельствовать о том, что он простил друга за измену блинчикам.

– Как Гадес? – спросила Луиза.

Она больше слушала, нежели говорила. Персефона видела, как внимательно она наблюдала, но старалась не встречать. Как успел рассказать Амон, Луиза хотела тихонько уйти после разговора с Гадесом, но не дал ей Анубис. Заявив, что богам стоит держаться вместе, а если уж Луиза свободна до завтрашнего дня, то он её так просто не отпустит.

Персефона полагала, что Анубис прав, и была ему благодарна, что он не отпустил Луизу. Называть её Макарией почему-то не выходило, возможно, из-за того, что она сама предпочитала Луизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.